

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СЕРГЕЙ САВЕЛОВ

ШАНС.

**Подготовка к
выполнению
замысла.**

КОММУНИЗМ -
ЭТО МОЛОДОСТЬ МИРА,
И ЕГО
ВОЗВОДИТЬ
МОЛОДЫМ

МАЯКОВСКИЙ

КНИГА 2

Сергей Савелов

**Шанс. Подготовка к
выполнению замысла. Книга 2**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Савелов С.

Шанс. Подготовка к выполнению замысла. Книга 2 / С. Савелов —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Продолжение книги 1 Шанс. (Я в моей голове). Внедрение. Главный герой успешно встроился в социум и укрепил свой авторитет в различных сферах жизни. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1.	5
Лето. Начало июня.	5
Глава 2.	9
Блатные.	9
Отступление. Блатные.	17
Июнь. Продолжение.	19
Глава 3.	21
Июнь. Беянина.	21
Глава 4.	23
Июнь. Москва.	23
Глава 5.	29
Июнь. Поход.	29
Глава 6.	44
Июнь. Туристический слет.	44
Глава 7.	55
Конец июня.	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сергей Савелов

Шанс. Подготовка к выполнению замысла. Книга 2

Глава 1.

Лето. Начало июня.

В первый день летних каникул проснулся сам. Конечно, отец не потрудился разбудить сына в каникулы.

«А зарядка? Я ведь не собираюсь себе давать послаблений», – мысленно возмутился.

Глянул в окно, а на улице солнечный день. Натянул спортивные трусы, кеды и, подумав – футболку. Не хочу прохожих шокировать голым торсом, хотя стыдиться, вроде, нечего и помчался привычным маршрутом – туалет, железнодорожная ветка, турник с брусьями.

На бегу планирую сегодняшний день. Вчера, после свидания с Маринкой обрадовал ребят, сообщив о предстоящей поездке в Москву. Предполагаю, что сегодня-завтра явится Фрол и Ухналь от деревенских ребят, а сейчас надо идти в школу на организационное собрание участников турпохода.

С завтрашнего дня у Михалыча традиционные соревнования по футболу «Кожаный мяч» между сборными командами школ города, которые продлятся декаду.

В пионерах всегда принимал участие в этих популярных для школьников соревнованиях, и неоднократно сборная школы занимала призовые места. Помню, что самое трудное для меня было проснуться и подняться к первой игре, если по расписанию мы играли первыми – неоднократно пацаны прибежали с футбольного поля и не проснувшегося тащили на стадион. Каникулы!!! Наслаждаясь свободой, гулял с ребятами допоздна, и зачастую ложился спать под утро.

В этот же период сейчас нам с Михалычем необходимо подготовить имущество для похода, затариться продуктами и оформить какую-то документацию. Состав команды определен, вроде.

Ладно, меня это мало интересует. Важнее предстоящая поездка к Соломонычу. Помимо икон, к нему впервые собираюсь везти песни. Если сегодня не встречу в школе Евгению Сергеевну, то придется звонить Павлу и признаваться в интересе москвичей к «моему» творчеству. В каком виде демонстрировать песни? На кассете? Тогда надо искать чистую импортную кассету и записывать. Отечественными кассетами только магнитофонную головку импортной магнитолы гробить. Петь своим голосом? Проще, но все равно, вероятно, нужны будут тексты с нотами. Хватит ли времени у меня на все это? «Пусть тогда Стас с Филом иконами занимаются, а я только песнями», – принял решение.

Подбегая к подъезду барака, вижу на лавочке Серегу Иванайнена. Тоже «турист» и по пути в школу на собрание зашел за мной. «Придется обойтись без завтрака!» – мысленно сокрушаюсь. По-видимому, время уже поджимает. Когда часы куплю?

– В каникулы спортом решил заняться? – интересуется одноклассник, разглядывая мои фирменные спортивные трусы.

– Ага. А то девочки не любят! – отшучиваюсь.

Не рассказывать же ему, что уже четвертый месяц бегаю. Не хватало еще дополнительного повода для сплетен обо мне. В темпе переодеваюсь в спортивный костюм от фирмачей. Наиболее подходящая повседневная одежда на каникулах. Польский спортивный костюм тоже

удивляет Серегу. Конечно, костюм смотрится классно, но ведь ПОЛЬСКИЙ, хотя поймет это только специалист.

«Чего удивляться? Серега живет с матерью и младшим братом небогато. Для него любой импорт – фирма! Жалко, конечно его. Хороший парень. Простой», – мысленно отмечаю.

Из будущего знаю – Серега после школы поступит в Рязанское артиллерийское военное училище на десантный факультет. Семейная жизнь не сложится. Он попадет в период вывода ГСВГ из ГДР. Выбросят их воинскую часть зимой в чистое поле под Омском, тогда его оставит жена-одесситка. У Сереги в армии случится какая-то трагедия – он получит травму. Не рассказывал, даже по-пьяни. Потом ему присвоят инвалидность и уволят со службы по здоровью. На «гражданке» Серега будет долго находиться в поиске. Такое выражение потом в некоторых социальных сетях Интернета появится в графе – семейное положение. К пятидесяти годам осядет в Сибири, но каждый отпуск будет ездить на свидания к многочисленным подругам по интернету по всей стране.

«Нет смысла привлекать его в иконный бизнес сейчас мне, если Фил раньше не предложил», – решаю про себя.

Идем в школу, обсуждая предстоящий поход. В школе наши туристы уже собрались. Я не понял, по какому принципу Михалыч отбирал команду? Может и не было никакого отбора и в состав команды вошли те, кто захотел пойти в поход? Среди пяти девчонок – Белянина. Кто бы сомневался – ведь в команде я и Конкин! «А Малкова Ленка, старшая пионервожатая, каким образом среди нас затесалась? Как помощница Михалыча?» – мысленно гадаю.

Михалыч объявил о маршруте. Времени выхода или выезда в пункт начала похода. Перечислил под запись, что с собой брать из дома и чего получить в школьной столовой. Определили «летописцев» похода, оформителей, фотографа и санинструктора, так как потом, на туристическом слете школьных команд города будет проводиться конкурс на лучшее оформление Походного дневника. Михалыч сообщил приблизительную дату и время получения имущества в спортзале завода и продуктов с базы Горторга и, наконец, о предварительном смотре всех участников накануне похода. Там уже будет распределение всего имущества среди участников. Самое неприятное было то, что каждый день к девяти часам нам надо будет в будни ходить в школу за получением задания на день от Ленки или Михалыча для подготовки и тренировок к походу.

После собрания отправился в учительскую разыскивать Евгению Сергеевну. В школе было полно народа – как будто и не каникулы.

По коридорам слонялись нарядные выпускники восьмых и десятых классов. Сегодня у них первый экзамен.

В школьных помещениях и на территории организовывался ремонт силами учащихся – пятая трудовая четверть. Мы из-за похода будем заниматься этим в июле. Вспомнил, что отцу тоже придется идти в школу в один из выходных дней что-то отремонтировать, белить или красить. (После нашего ремонта!)

Для младших классов в школе ежегодно создают летний лагерь с вожатыми из старшеклассников. Сегодня тоже начиналась первая смена и школьная мелюзга с радостью носилась по школьным этажам, контрастируя с серьезными выпускниками.

Евгения Сергеевна отсутствовала, так как находилась на каких-то учебно-методических занятиях учителей музыки. Пришлось идти в школьную канцелярию звонить Павлу и договариваться о внеплановой встрече. По пути зашел к Стасу и Фролу. Облом! У них уже начался экзамен.

Вспомнив сегодняшние многозначительные взгляды Таньки, решил: стоит, наконец, ее сводить «в гости» на днях. Надо будет Руля озадачить покупкой нового комплекта постельного белья. У женщин особый нюх на соперниц. Не стирать же белье в Вовкиных условиях при отсутствии водопровода и канализации каждый раз после встреч с одноклассницами?

Поспешил домой перекусить перед встречей с Павлом. И здесь облом! Возле моего гаража стоял Ухналь с мотоциклом, нагруженным сверками. Я не выдержал и взмолился:

– Юрка! Я жрать хочу! Потерпи, пожалуйста, еще пять минут.

Вернувшись с бутербродами, разделил их по-братски и принялся рассматривать и пометать иконы. Вернул два «новодела» и по взаимному согласию отложил две, возможно краденые иконы. Пусть отлежатся, вдруг придется возвращать.

Попрощался с Юркой, сообщив вероятную дату возвращения из Москвы и помчался к Павлу. Уже опаздывал.

Павел, узнав причину моего неожиданного появления, признался, что никогда не участвовал в продаже песен. Подумав, предположил, что лучше, наверное, будет магнитофонная запись для демонстрации, только нужна будет запись студийная, а не с любительского магнитофона и подтвердил, что также потребуются тексты с нотами. «И тут облом! В нашем городе студий записи не найти», – расстроился.

Решили попробовать завтра записать песни под синтезатор на его «Маяк» и мой «Шарп» и сравнить. Лучшую запись повезу в Москву. Павел пообещал найти сегодня же новую кассету и на запись пригласить Евгению Сергеевну. Записывать решили песни: «Так хочется жить» и «Седую ночь». «Половинку». «Коня». «Таня». «Белые розы» и «О той весне». Начали работать над нотными записями песен.

По дороге домой зашел в Дашкин поселок к Юрке. Он уныло ковырялся в огороде. «Как и я Фил ненавидит сельхозработы», – хмыкнул понимающе.

Узнав о предстоящей поездке в Москву, Юрка воспрянул. У него тоже подобралось с десяток икон от его сборщиков.

– Придется с собой приглашать в поездку Стаса. Слишком много груза получается, – озадачил компаньона.

– Когда едем? На какое число брать билеты? – интересуется он.

– Пока не знаю. Стас экзамены сдает, – отвечаю.

«Когда у него следующий экзамен?» – задумываюсь.

– Зайди вечером ко мне, узнаю, – предлагаю. – Мне завтра с утра опять идти в школу готовиться к походу, – жалуясь.

Немного еще поговорив, расстаемся до вечера. Фил обреченно бредет на огород, а я спешу домой, чтобы поесть нормально. Однако возле дома вижу Стаса со свертками. «Когда же я поем нормально?» – мысленно взвыл.

– Как экзамен? – интересуюсь.

– Нормально. На четверку написал, надеюсь, – отвечает и озадаченно смотрит на мое кислое выражение лица.

– С утра не жравши, – объясняю.

– Сходи, я подожду, – великодушно предлагает.

– Ладно, потом, – отмахиваюсь.

Разбирая иконы, интересуюсь:

– У тебя, когда следующий экзамен?

– В понедельник сочинение, – удивленно сообщает Стас.

– Не хочешь со мной в Москву съездить? – провокационно спрашиваю. – Не увести все! Видишь? – обвожу рукой многочисленные свертки.

– Можно, – недоверчиво глядит. – Когда ехать? – интересуется.

– Вечером в понедельник. В среду утром будем дома. Успеешь к следующему экзамену, – выдаю раскладку.

– Как у Руля с экзаменами? – задаю следующий интересующий меня вопрос.

Стас пожимает плечами, поглощенный мыслями о Москве.

– Направь его ко мне сегодня. Есть для него одно предложение, – прошу.

Кивает.

Вечером встречаюсь с Фролом. В сарае добавились еще пару свертков. Филу сообщаю о выезде в понедельник. Рулю передаю червонец и озадачиваю покупкой комплекта постельного белья. «Хорошо, что постельное белье не в дефиците сейчас», – радостно отмечаю.

Глава 2.

Блатные.

Встреча с приблатненными в конце весны имела неожиданное продолжение. В субботу на пороге моего сарая неожиданно появился озабоченный Рыга. Обычно он старается выглядеть солидно, значимо и невозмутимо, как будто в жизни все повидал, испытал и все знает! Неторопливо разговаривает с равными и старшими, а со своими пацанами и прочими снисходительно цедит слова.

– Серый! С тобой хотят встретиться уважаемые люди, – торопливо забубнил он вполголоса. – Пойдем! Ну, пожалуйста! Таким людям не отказывают!

«Куда делась обычная Рыгина значительность и невозмутимость?» – мысленно удивляюсь и кажется, понимаю.

Рыга в своих кругах растрепал про мой миниконцерт в поселковом сквере в конце мая, а сейчас проявил интерес к моему «творчеству» кто-то важный для него. На всякий случай интересуюсь:

– Зачем?

Я готовил в этот день свое помещение в сарае к летним ночевкам. Придется продолжить позже и неохотно откладывая инструмент.

– Пойдем, это очень важно! (Для кого?) – Рыга уже тянет меня за рукав.

Мои друзья, присутствующие и помогающие в ремонте с удивлением и интересом смотрят на эту необычную сцену.

– Все будет в порядке, – сообщает он им, так как многие поселковые ребята, как и я недолюбливают его и смотрят враждебно.

– Ладно, пойдем, посмотрим, кто мной так заинтересовался, что ты сам не свой, – соглашаюсь.

– Там такие люди! – Рыга закатывает глаза и тянет меня к дороге.

Неторопливо иду за ним.

– Пойдем быстрее, – торопит.

Видеть метания Рыги, как какой-то шестерки становится неприятно. Неожиданно он подскакивает к стоящей на обочине Волге с занавесками на задних окнах. «Круто!» – удивляюсь про себя.

Рыга продолжает удивлять – открывает заднюю дверь и приглашает меня в машину. Сажусь. В салоне кроме водителя никого нет. Рыга запрыгивает на переднее сиденье. Водитель заводит машину и тут же рвет с места. «Куда они все торопятся?» – озадачиваюсь. Будто меня захотел увидеть важный шишкарь, по положению не ниже секретаря райкома. Все страньше и страньше, как говорила Алиса из какой-то детской сказки.

Проехав через весь город, свернули с улицы в переулок и притормозили у ворот частного дома. Ворота тут же открылись, и мы заехали во двор. Водитель, повернувшись ко мне, кивнул вглубь двора:

– Там ждут.

«Информативно и лаконично», – мысленно иронизирую.

Пошли с Рыгой в указанном направлении. За домом стояла летняя красивая беседка, рядом дымился мангал. Возле мангала стоял здоровый парень с голым торсом, покрытый многочисленными татуировками и махал фанеркой над шашлыками.

В беседке сидели четверо мужчин и заинтересованно смотрели на меня. Я остановился у входа и поздоровался. Все продолжали молча смотреть на меня. Сразу выделил старшего, хотя

он выглядел моложе соседей. Не старше 40 лет, одет не броско, но с претензией на элегантность. Двое других слева от меня, похоже, местные. Во всяком случае, один у входа – хозяин, так как одет по-домашнему. Последнему седому справа явно за 50 лет и, похоже, ему я меньше всех был интересен, так как, взглянув на меня, он продолжил чистить апельсин. Посреди беседки стоял декоративный столик, заставленный бутылками, тарелками с закуской и дефицитными фруктами. Наконец, Главный шевельнулся.

– Этот что ли? – он перевел взгляд на Рыгу.

– Он, он, – Рыга, как болванчик закивал головой.

«Так! Сейчас мне будут указывать мое место, макая в дерьмо, потом снизойдут и позволят приблизиться к небожителям. Даже косточку дадут и почешут за ушком. Послушают забавную зверушку и не скучно скоротают время. Надо ломать сценарий!» – сообразил.

– Давайте опустим преамбулу, – начал говорить я. – Вы позвали – я здесь. Я вас не знаю, да и знать не хочу. У нас с вами разные песочницы. Дорогу я никому переходил. Вам от меня чего-то надо? – поинтересовался.

Я уже догадался – кто передо мной. В груди похолодело, но постарался не показать испуга, прошел в беседку и взялся за спинку пустого стула:

– Вы позволите? – в упор посмотрел на Главного.

Сзади икнул Рыга.

Мужчина медленно кивнул и я сел напротив. «Теперь психологически мы на равных», – отмечаю про себя.

Вначале моего монолога пожилой мужик оторвался от своего занятия с апельсином и с удивлением посмотрел на меня, как на обезьянку, заговорившую человеческим голосом. Местные, с какой-то настороженностью поглядывали то на меня, то на Главного, то переглядывались между собой. Удивление, промелькнувшее на лице Главного, сменилось насмешливым выражением. Быстро он все понял. Конечно, чтобы подняться среди волков надо соображать и действовать мгновенно, – догадался я.

– Итак, я слушаю вас, – спрашиваю всех, стараясь не терять темп, но взглядом выделяю Главного.

Пожилой гость наклонился в мою сторону, порываясь, что-то спросить, но повинувшись движению кисти с какими-то наколотыми перстнями на пальцах и одним настоящим на безымянном Главного, промолчал и откинулся на спинку стула.

– А ты борзой! – без угрозы констатировал Главный. – Ты знаешь кто мы? Не боишься, – продолжил неопределенно.

– Нет. Не боюсь, – пожимаю плечами. – Вы – авторитетные люди, вероятно – «в законе». Не пойму, зачем я вам понадобился? – удивляюсь вслух.

Надо переводить разговор от меня в конструктивное русло, – мысленно решаю, но не знаю пока как.

– Меня или их знаешь? – снова спрашивает Главный и, продолжая давить взглядом, кивает в сторону хозяина и его соседа.

– Нет, не знаю, – спокойно смотрю ему в глаза, мотнув головой. – Вам, вроде известность ни к чему, – добавляю.

Кто-то из присутствующих хмыкнул.

– А мне парнишка нравится, – Главный принял какое-то решение и откинулся на спинку стула. – Шарит! – непонятно продолжил.

Остальные заметно расслабились.

– Угощайся, – собеседник кивнул на стол.

– Спасибо, я шашлык подожду, – отвечаю.

«Если дождусь, конечно», – промелькнула мысль.

– Выпьешь? – продолжает он играть радушие.

– Спасибо. Бокал сухого, потом, – намекаю на готовящийся шашлык.

– Лом, у тебя там скоро? – спросил Главный, посмотрев мне за спину в сторону мангала. «Шашлычник» что-то ответил непонятное «по фене».

– У тебя из близких кто-то сидел? – снова спросил авторитет, с интересом поглядев на меня.

– Нет, – опять мотаю головой.

– Говорят, хорошие песни поешь? – интересуется.

«Вот, наверное, перешли к главному», – предполагаю про себя.

– Стараюсь, – равнодушно тяну.

Наконец заметил, как пересохло горло и насколько я внутренне напряжен. Пошарил глазами по столу, разыскивая безалкогольное. «Не расслабляться!» – мысленно приказываю себе.

– Нам споешь? – спрашивает пахан.

Держу паузу, разглядывая его и размышляю: «Я сейчас в положении более опасном, чем на минном поле. У таких зубров на их поле однозначно не выиграть, но надо и себя не уронить».

– Я не знаю ваших понятий. Живу, как все и опасаясь сейчас сказать или сделать что-то вразрез с вашими законами, – объяснил свое молчание.

– Какие наши законы? Тебе нечего бояться. Сидишь с нами за одним столом. Сейчас вместе шашлык кушать будем, – Главный немного подумал и продолжил:

– Я думаю, ты хороший человек и не из наших. Мы просто хотели посмотреть на тебя и послушать песни. Нас заинтересовало, как парнишка, не чалившийся в зоне, пишет душевные песни, как об этом говорят, – объяснив, мотнул подбородком в Рыгину сторону.

«Представляю, как Рыга превозносил мои песни, рассчитывая подняться среди своих. А если провал? Его, конечно, не опустят, но он долго не отмоется от репутации балабола. Сейчас, наверное, молится про себя», – размышляю злорадно и оборачиваюсь на виновника сегодняшней встречи.

Похоже, тот сейчас в обморок упадет.

– Хорошо. Спою, только..., – соглашаюсь и демонстративно оглядываюсь в поисках музыкальных инструментов.

Главный кивнул хозяину. Тот встал и вынес из дома две гитары – семиструнную и шестиструнную. Обе выглядели шикарно. Я взял шестиструнную и пробежался по струнам. Звук обалденный.

Подстроил и начал с Владимирского централа.

Проигрыш, а вместо флейты у Круга засвистел, а потом запел:

Весна опять пришла, и солнца лучики

Доверчиво глядят в моё окно.

Опять защемит грудь

И в душу лезет грусть,

По памяти пойдёт со мной.

Мне память ворошит, как вместе согрешил

С той девочкой, что так давно любил

Та девочка была, та девочка ушла

Забывать ее не хватит сил

Владимирский централ, ветер северный,

Этапом из Твери, зла немерено,

Лежит на сердце тяжкий груз.

Владимирский централ, ветер северный,

*Когда я банковал, жизнь разменивал,
Но не "очко" обычно губит,
А к одиннадцати туз...*

Главный сидел без эмоций, только сосредоточенно слушал, опустив глаза. Пожилой в ходе песни начал покачивать в такт головой.

– Дальше, – Главный поднял глаза на меня.

Ритмично, изображая стук железнодорожных колес, стучу по деке. Начинаю боем, подражая Жарову:

*Бегут, стучат...
Бегут колесики гуськом.
Спешат, хотят
Пугнуть мальчишечку Сибирским холодком.
А я ушаночку поглубже натяну
И в свое прошлое с тоскою загляну.
Слезу смахну,
Тайком тихонечко вздохну.*

*Бегу один,
Бегу к зеленым городам,
И вдруг, гляжу -
Собаки мчатся по запутанным следам.
А я ушаночку поглубже натяну
И в свое прошлое с тоскою загляну.
Слезу смахну,
Тайком тихонечко вздохну.
Тайком тихонечко вздохну...*

Вторая песня, судя по реакции, тоже большинству понравилась.

Главный глядя поверх моей куда-то, кивнул. Оказывается, за моей спиной стоял Здоровый с дымящимися шампурами в руках. Хозяин, откуда-то достал блюдо, раздвинув посуду с бутылками, водрузил его на стол и ушел. На блюдо были сгружены шампуры. Главный махнул рукой:

– Утощайтесь, – а сам задумчиво почесал висок.

Потянулись руки за шампурами. Сижу с гитарой, рот полный слюны. Старший заметил:

– Ты чего сидишь? Ешь.

Взяв с тарелки пару кусков хлеба, вооружился шампуром. Такого шашлыка я в этой жизни никогда не ел, да и в будущем всего несколько раз. Мясо просто таяло во рту, наверное, его можно было не жевать. Проглотив несколько кусков, оглянулся. Рыга стоит тоже с шампуром возле мангала и торопливо жует мясо без хлеба. Вернувшись, хозяин поставил на стол вазочку с чем-то красным, вероятно соусом и на пустой стул кинул стопку полотенец. Главный тоже взял шампур, но ел как-то без охоты, все размышляя или вспоминая о чем-то.

– Еще песни есть? – взглянул на меня.

Я, продолжая жевать, кивнул. Все сосредоточенно ели. Главный повернувшись к старику что-то тихонько спросил. Они начали чего-то тихо обсуждать, сдвинувшись головами. Местные заинтересованно поглядывали на беседующих.

Я, добив один шампур, потянул к себе второй. Главный, отложив свой шампур, сказал:

– Мы спешим, исполни еще чего-нибудь, потом поешь.

Вернул с сожалением шампур на блюдо и вытер руки полотенцем. Выбрал на столе бутылку сухого вина и посмотрел на Главного. Тот кивнул. Налил себе половину фужера, отпил и потянулся за гитарой.

Начинаю перебором там, где у Круга играет скрипка:

*Кольщик. Наколи мне купола,
Рядом чудотворный крест с иконами,
Чтоб играли там колокола
С переливами и перезвонами.*

*Наколи мне домик у ручья,
Пусть течет по воле струйкой тонкою.
Чтобы от него портной судья
Не отгородил меня решеткою.*

*Нарисуй алеющий закат.
Розу за колючей ржавой проволокой.
Строчку – Мама, я не виноват!
Напиши, и пусть стереть попробуют.*

*Если места хватит – нарисуй
Лодку, с парусами ветром полными.
Уплыву, волки, и вот вам...
Чтобы навсегда меня запомнили.*

*И легло на душу, как покой.
Встретить мать – одно мое желание.
Крест коли, чтоб я забрал с собой
Избавление, но не покаяние.*

Закончил – все молчат. Задумались. Я решил рискнуть и исполнить недавно разученную «Вези меня извозчик» Новикова:

*Эй, налей-ка мильи, чтобы сняло блажь,
Чтобы дух схватило, да скрутило аж.
Да налей вторую, чтоб валило с ног,
Нынче я пирую – отзвенел звонок.*

*Нынче я гуляю, мне не нужен счет.
Мне вчера хозяин выписал расчет.
Я у этой стойки не был столько лет,
Не к больничной койке был прикован, нет!*

*Вези меня, извозчик, по гулкой мостовой,
А если я усну, шмонать меня не надо!
Я сам тебе отдам, ты парень в доску свой
И тоже пьешь, когда – то до упада.*

«Фу, все иссяк», – отмечаю мысленно, откладывая гитару и откидываюсь на спинку стула. Все молчат, поглядывая на Главного.

– Ты все сам написал? – он испытующе смотрит на меня.

В ответ неопределенно пожимаю плечами:

– Практически.

– Поясни, – тянется он за сигаретами.

– Порой в голове вертятся мелодии, иногда со словами. Чаще приходится сидеть над текстом. Может где и слышал подобное или похожее? – опять пожимаю плечами.

– У тебя точно из близких никто не сидел? – спросил, наконец, пожилой.

– Нет, если не считать близкими соседей, друзей детства, – отвечаю.

«Черт! Что-то подозревают? Надо тумана навести», – решаю рассказать историю одной песни, вычитанную в будущем.

– Вот вы многое слышали, много где побывали. Не слышали похожих мелодий или песен? – интересуюсь.

Все отрицательно мотают головами, заинтересованно глядя на меня.

– Я слышал историю про популярную песню «Шизгара». Знаете, такую? – спрашиваю.

Все кивают.

– Так вот, впервые ее исполнили в девятнадцатом веке в Америке во времена «золотой лихорадки». Только текст и мелодия были немного другими. Потом какая-то западная группа ее переделала для банджо и исполнила в шестидесятых годах уже этого века. В семидесятые годы, другая популярная группа снова переделала текст и мелодию. Добавили красивую гитарную партию из рок-оперы и получилась песня, мелодию которую мы знаем, а текст, который у нас исполняют совсем не тот, что звучит на западе. Там и песня под другим названием, а «Шизгару» там не знают, – излагаю историю популярной песни.

Все с удивлением смотрят на меня.

– А ты откуда знаешь? – спрашивает авторитет.

– Я тоже задумывался, как у меня получаются песни, а про «Шизгару» знакомый профессиональный музыкант рассказывал, – выкручиваюсь.

– Еще спой что-нибудь, – взглянув на Главного, попросил пожилой.

– У меня нет ничего ... по этой тематике, – запнувшись, смущенно отвечаю.

– Ну, спой не по этой... – улыбнулся главный.

Снова беру гитару, размышляя: «Не любовные или патриотические песни им петь!»

Играю проигрыш на одной струне «Ты знаешь, так хочется жить!» песни группы «Рождество»:

Ты знаешь, так хочется жить

Наслаждаться восходом багряным

Жить, чтобы просто любить

Всех, кто живёт с тобой рядом...

– Вот где-то так. Еще сырая, – поясняю невнятный конец песни и откладывая гитару.

– Смотрю на тебя и вижу – пацан, а слушаешь – поживший, испытавший многое мужик. И ведешь себя не как пацан, – испытующе глядя на меня, выдал Главный.

– Чтобы сочинить песню о монтажниках-высотниках, не обязательно быть монтажником и высотником, – пытаюсь отвести от себя подозрения.

Немного помолчав, размышляя над моими словами, Главный вдруг протянул мне руку:

– Меня зовут Юрий, хм... Юрий Васильевич, – хмыкнув, добавил.

– Что дальше думаешь делать? На сцену пойдешь или в кабаках лабать будешь? – посыпались вопросы.

– Нет, – отвечаю и задумываюсь. – У меня немного другие планы. Учиться надо. Песни не главное, а на песнях может заработаю немного, надеюсь, – сообщаю.

– Как ты хочешь заработать на своих песнях? – оживился Пожилой.

«Вероятно, этот финансист у блатных», – предположил мысленно я.

– Попробую предложить свои песни профессиональным исполнителям, – отвечаю

– Кинут тебя, – убежденно заявил он.

– Может, тебе помощь нужна? У нас большие возможности, – пошевелился Юрий Васильевич.

«Ага, начали обрабатывать пацана. Слаженно работают», – мысленно констатировал я, а вслух произнес:

– Некоторые песни я постараюсь зарегистрировать в ВААПе и попробую продать популярным певцам. Иные, не попадающие под разрешенную тематику – предложу ансамблям в ресторанах, – я многозначительно замолчал.

«Намек поймут?» – гадаю про себя и продолжаю:

– Предполагаю, что мои песни станут популярными. Спасибо, но помощи не надо. Я уже продал две песни, – признаюсь.

– Соображает, все продумал, – дернув щекой с каким-то сожалением заключил «финансист». – Ты считаешь, что регистрация песни защитит тебя или твои отчисления? Официально ведь не продать, – демонстрирует он знание предмета.

– Посмотрю. В стране ведь не один популярный певец. Сборниками предлагать не собираюсь, а потери в любом новом деле неизбежны. Я не злопамятный, но память у меня хорошая и зло помню, – философски заключаю.

– Умный, – снова хвалит пожилой и возвращается к финансам:

– За сколько ты хочешь продать песню? К примеру, про Централ?

– Песни подобной тематики официальным исполнителям не предложить, – подтверждаю не высказанное. – Наверняка найдутся исполнители, которые и на таких песнях зарабатывают, – продолжаю защищаться.

– А сам не хочешь быть исполнителем? Самому петь свое и рубить бабло за это? – спросил Юрий Васильевич.

– Может иногда, но постоянно нет. Не много пока у меня песен для моего возраста и голоса. Сами заметили, что не все песни мне соответствуют. Вернее, моему возрасту, – поясняю.

– В ансамбле поешь? – снова продолжает допрос Юрий.

– Нет, зачем? Мои песни хорошие, согласитесь? А за хорошие песни можно получить хорошие деньги, – выдаю я.

«Мой намек проигнорировали», – мысленно морщусь.

– Если мы тебя снова пригласим спеть? Возможно не сюда. Заплатим, не обидим, – интересуется он.

– Нет, не получится в ближайшие месяцы, – мотаю головой. – На днях собираюсь в поход от школы, потом в лагерь. Комсомольский, – глядя на вытянувшиеся лица, поясняю. – Можно ко мне прислать музыканта, и я ему все передам – текст, ноты. Объясню, как исполнять, чтобы песня выигрышней прозвучала и понравилась людям, – предлагаю.

– Сколько ты хочешь получить за песню? – снова спрашивает финансист.

– 1000 рублей, – безмятежно заявляю.

Из местных кто-то присвистнул и удивленно выругался. Рыга охнул за спиной. Только Юра с финансистом не проявили эмоций, а молча оценивающе смотрели на меня. Пытаюсь снять возникшее напряжение:

– Хорошая песня может звучать десятилетиями. Вспомните застольные песни. А исполнитель, сколько сможет заработать, исполняя популярную песню за несколько лет?

– Популярным певцам, за сколько хочешь продавать? Тоже за тысячу? – не унимается финансист.

– У них аудитория шире и сборы выше. Им поначалу можно предложить за 5000 рублей. Когда стану популярным песенником цену можно увеличить. Ведь бардам и популярным музыкантам на закрытых мероприятиях, неофициальных концертах и в модных кабаках платят до 10000 за вечер. Но, вы это сами знаете, наверное, – поясняю я.

– Ладно. Если возникнут трудности, обращайся, – Юра, достав из бумажника визитку, протягивает мне.

На визитке только телефонный номер из шести цифр областного центра.

– Спросишь Юру. Забавный ты пацан, – заключает он. – Здесь в городе все твои проблемы решит Володя, – выделив голосом «твои проблемы», кивнул на хозяина. – Можешь обратиться к нему, – мотнул головой в сторону Рыги.

Довольный Рыга опять, как болванчик закивал.

«Ага, разбежался! У вас рубль вход, выход – три. Один раз помогут – всю жизнь должен будешь», – мысленно отказываюсь.

– У тебя клевые песни, жизненные и поешь душевно. Людям понравится. Продолжай сочинять и петь. Парень ты понимающий и чувствующий. Думаю, пойдешь далеко. Не забывай про братву. За решеткой тоже люди сидят. Бог даст, еще встретимся. Заплати ему за концерт, – повернулся Юрий Васильевич к «финансисту». Тот достал толстый бумажник и протянул мне «четвертак».

– Ну-у? – Юра укоризненно взглянул на того.

Вздыхнув, пожилой продублировал купюру.

– Ладно, давай доедай. Тебя отвезут. Мы здесь загостились. Дел немеряно..., но не зря, – подмигивает мне. – Спасибо, хорошо принял, – обращается к хозяину Главный.

– Спасибо, наелся, – благодарю, глядя на остывший шашлык.

«Пора сваливать отсюда и быстрее», – соображаю. Не комфортно себя чувствую в такой компании битых жизнью волков.

Юра понимающе хмыкает.

– Всего доброго! – прощаюсь и поднимаюсь.

Кивают в ответ. Хозяин дома идет вместе с нами к машине.

– Где были, кого видели, о чем говорили – забыть, – неожиданно густым басом инструктирует нас с Рыгой.

А на меня накатывает отходняк. Даже руки затряслись. Теперь поведение Рыги мне смешным не кажется. У машины Володя пожал нам руки. Рыга, аж воспрянул.

«Фу, вроде выдержал непростой разговор! Хотя, черт их знает, что они решат? Заманчиво уркам заработать на мне. Возраст мне помог и сам слабины не дал. Удачно перевел стрелки на музыканта. Пусть на нем зарабатывают. Если от них кто-то приедет, надо будет еще 1-2 песни по тюремной тематике подготовить, чтобы не подумали, что я забыл их нормальное отношение ко мне сегодня. Ведь пришлось, наверное, непривычно сдерживать себя в общении на равных с подростком. Со временем надеюсь так подняться, что ворами нужно будет в лучшем случае просить, а не разговаривать на равных и тем более вести не так, как сегодня с Рыгой», – так всю дорогу домой анализировал я, а Рыга в нетерпении ерзал на заднем сидении рядом, но молчал.

Вышли на том же месте. Водитель при расставании уважительно пожал мне руку. «А я и не видел, где он был, когда пел. Достались ли ему шашлыки?» – меня вдруг нервно пробило на хи-хи.

На скамейке возле барака вижу почти всю нашу компанию. «Чего это все собрались? Неужели из-за меня? Надо отметить удачную сделку и ребят как-то успокоить. Правду говорить не желательно», – удивляюсь и решаю.

Отступление. Блатные.

А в это время в беседке продолжилась беседа по возвращению хозяина.

Володя Прокофьев по кличке Мешок действительно являлся теневым хозяином города. По молодости, сделав несколько ходок на зону, решил остепениться и осел в этом тихом городке. Купил хату, завел подругу и принял предложение братвы, став «смотрящим» в этом районном центре. Уже несколько лет он успешно негласно «держал» город. Соседи и даже большинство из местной братвы не знали о роли тихого инвалида в криминальной жизни города. Пришлось подсуетиться, немало отстегнуть куда и кому надо и оформить инвалидность.

Информация обо всем, что творится в городе, вплоть до решений в исполкоме, райкомах и всех планах руководства города, тем более в милиции, всех преступлениях стекалась в этот неприметный дом, за высоким забором в тихом переулке к Мешку.

Мешок не афишировал свою власть и свои возможности. Общался только со своими информаторами и Фиксатым, который присутствовал на сегодняшней встрече от городской братвы. Фикса занимался силовой поддержкой и прикрытием криминальной деятельности в городе и районе. У него была группа тщательно отобранных «торпед», готовых выполнить любое поручение. Тандем Мешка с Фиксатым сложился довольно прочным, так как каждый был доволен своей ролью. Фиксатого не устраивала тихая жизнь из-за некоторой авантюристичности характера. Ему нравилось рисковать, льстило неприкрытое уважение при его появлении в общественных местах. Нравилась бессильная злоба «правильных» ментов, так как голова у Фиксатого «варила» и повода для привлечения его к ответственности местным правоохранителям он не давал.

Мешок, узнав, что проездом его собирается навестить сам Гвидон, передал сообщение о намечающейся важной «стрелке» Фиксатому. Отправил от греха из дома свою подругу. Не приветствуется на важных встречах присутствие посторонних, да и тесные, постоянные отношения с женщинами не «по понятиям». Он чувствовал себя спокойно – косяков за ним не было и «предъявлять» ему не за что. До него дошли слухи о предстоящей «сходке» в области воров. «Вероятно, поездка Князя в отдаленный от центра район области связана со «сходкой», – предположил.

Мешок с Фиксатом оговорили между собой сумму, передаваемую в «общак» сегодня, раз уж так сложилось. Сами разожгли мангал, замариновали мясо и Мешок собственноручно «накрыл поляну» к оговоренному часу. Гвидон прибыл с казначеем, которому между делом был вручен взнос для общака. Тщательно пересчитав деньги, тот кивнул Гвидону. Задумчиво покуривая «Мальборо» тот начал:

– Я доволен вами. В районе правильно поставили дело, не то, что в некоторых..., – намекнул и задумался.

Мешок слышал о проблемах воровской масти в более дальнем районном городке, который располагался на берегу водохранилища республиканского значения, связанными с рыбными промыслами. Рыбная мафия обурела, почувствовав свою силу и перестала считаться с воровскими интересами. Наивные и жадные. Гвидон их обломает, – удовлетворенно промелькнула мысль.

Пересказав гостям все местные новости и решив ряд вопросов, хозяева замолчали и уставились на задумчивого хозяина области. Мешок, вспомнив об интересе Князя к искусству решил позабавить слухом того о появившемся в городе гитаристе, сочиняющем якобы отличные песни. Информатор просто слюной захлебывался от восторга. Во взгляде Князя появился интерес. Переглянувшись с казначеем, неожиданно он попросил показать ему пацана и подготовить инструмент на всякий случай. Мешок прошел в дом и сделал по телефону несколько звонков. Вернувшись, сообщил, где будет ждать его «шестерка», который поможет выйти на

районного «авторитета», а тот найдет и привезет пацана. Гвидон кивнул присутствующему водителю и через час перед авторитетами стояли два подростка.

Какая разница между ними? Один какой-то неприятный с партаками на кистях – заметно трусит. Другой смотрит прямо, ведет себя уверенно и независимо, как будто каждый день встречается с законниками. Хотя, он, наверное, не подозревает, куда его привезли и что его может ждать в крайнем случае. Нет, по глазам видно – все понимает. В глазах ум, уверенность и дерзость. Когда тот прервал Князя и сам подошел к стулу, то, наверное, и Гвидон опешил, но быстро сумел собраться. Не много людей в такой компании могут себе позволить так вести. Не похоже это на детское легкомыслие. Чувствуется в парне внутреннее напряжение, но очень скрытое. Движения, голос, поддержание беседы – ничего не говорит о волнении. Ведет себя с достоинством, но проявляет уважение, как к взрослым и в то же время держится, как равный собеседник. Смеет даже отказывать Гвидону в том, что ему не выгодно. А как логично обосновал цены, и ловко уклонился от рассказа о своих планах, – отмечает про себя.

Парень Мешку понравился, хотя в процессе разговора пришлось несколько раз напрячься.

Гвидон начал, катая в руках фужер с вином:

– Парнишка мне понравился. Спасибо Володя за него. Нечасто таких людей встречаешь.

Присмотри за ним!

– Похоже, он не из «бедовых» и не пойдет к нам, – задумчиво заявил Мешок.

– Не пойдет, – соглашается Гвидон, – но нам этого и не нужно. У нас много всяких. Разве мало первых секретарей едят у нас с рук, в саунах парятся? Этот не из таких. У него есть стержень. Гнуться и в жопу целовать он не сможет, поэтому партийную карьеру ему не сделать, но чувствую – у него большое будущее и потенциал, – задумался.

– Если такого не сломают, то в дерьмо могут окунуть или подставят и закроют. Жизнь она такая... – продолжил выяснять свою задачу Мешок.

– Вот и присмотри, – жестче повторил Гвидон и продолжил: – Пользы нам он может принести много. Ты помнишь, он сказал про память и зло? Так я думаю, что и про добро он хорошо помнит, а такие люди нам наверху нужны, поэтому, когда будете прикрывать – он должен понять от кого помощь, – посмотрел на обоих. – Если ваших возможностей хватать не будет, сообщайте немедленно.

Мешку указал:

– Собери о нем все. – Выясни про поход и лагерь (хмыкнул), – продолжил инструктаж.

Немного подумав, добавил: – А этого....

– Рыга, – подсказал Фиксатый.

– Да, этого убери. Какой из него авторитет? Даже среди мальков? Только в «блудняк» вписать может. К осени подбери другого авторитетного пацана.

– Наш интерес к этому соловью... – и удивленно замолчал, увидев улыбнувшихся Мешка и Фиксатого.

– Фамилия его Соловьев, – разъяснил Мешок.

Теперь и Гвидон улыбнулся и продолжил:

– Наш интерес к нему скрывать. Никто не должен знать о нашем интересе. Думаю, что скоро не только нам парень будет интересен и возле него станет тесно. Если он попадет на зону, то с ним будет проще, но и возможности его снизятся, а значит и наши, – завершил Гвидон.

Когда гости распрощавшись, уехали, Фиксатый восхищенно цыкнув зубом заявил:

– Тц! Гвидон – голова! На раз просек все про парня. Пока тот пацан – срубит бабла на его песнях, а вырастет, то еще больше.

– Надо подумать, кого к нему подвести, – продолжил Мешок, соглашаясь с Фиксой.

Июнь. Продолжение.

Пока с Рыгой шли от дороги вдоль барака к моему сараю, тот чуть ли прыгал вокруг меня, восторгаясь моей и своей крутизной. Периодически пытался добиться от меня признания неординарности такого события – встречи с ТАКИМИ! людьми, почти небожителями, а они даже разговаривали с нами, ели за одним столом и жали руки. (?)

– Теперь мы с тобой.... Ух! – слов выразить свой восторг у Рыги явно не хватало, и он активно помогал себе руками.

Когда завернули за угол, около лавочки с торца барака обнаружили большую толпу подростков, состоящую в основном из моих друзей, ребят из бараков, Белого и Желтого домов. Также был Фил и несколько пацанов из Дашкиного поселка. Увидев меня, все оживились. Рыга удивленно замолк, увидев такую толпу, растерялся, и торопливо заверив меня в своей вечной дружбе и несомненной поддержке во всех моих делах, ретировался от греха. Многие его недолюбливали, и разгоряченные пацаны могли навешать ему, не обращая внимания на его «крутизну» и поддержку «небожителей».

Ребята накинулись на меня с вопросами:

– Куда тебя возили? Чего этому от тебя было надо? Как все прошло? С кем надо разбраться?

Больше всех рассмешил Яшка. У него всегда словарный запас был небогат. Сейчас же он и его забыл. У Сереги постоянно в речи присутствовали слова паразиты – «на ху..., бля...ь» и привычка сплевывать каждый раз. Яшка горячился:

– Мы, на ху..., бля... ь, тьфу, хотели идти, на ху..., бля...ь, тьфу, тебя выручать. На ху..., бл...ь, тьфу. Да не знали, на ху..., бля...ь, тьфу, куда идти. Ты где, на ху..., бля...ь, тьфу, был?

– Все нормально ребята, – улыбаюсь, – пригласили на беседу насчет моих песен.

В груди потеплело. Друзья обеспокоились из-за меня и готовы были идти на разборки. Не важно, с кем и куда. «Хотелось бы верить, что собрались почти все мне на выручку не из-за долгожданных импортных обновок из Москвы. Все-таки дружная у нас компания. На многих лицах была заметна искренняя обеспокоенность», – мысленно отмечаю.

Оглядываюсь. Возле соседнего барака толпятся женщины, а у некоторых гаражей группируются бараковские мужики. Всех заинтересовало многочисленное собрание обеспокоенных поселковых ребят.

Посыпались новые вопросы:

– Какие песни? Кто пригласил?

– Вы их не знаете. А песни...? Давайте я вам сейчас их спою, пока мы все здесь... собрались, – отвечаю и запинаясь, неожиданно вспоминая: знаменитая песня Митяева «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Еще не мешает перед походом вспомнить и подобрать аккорды туристических и других походных песен. Вероятно, придется в походе петь. Уже на первом собрании девчонки намекали. Свою гитару, однозначно, в поход не возьму. Не хочу рисковать. Дождь, сырость, походный быт – не самые благоприятные условия для хорошего инструмента. Если ребята захотят музыку, пусть ищут другую гитару, которую не жалко, – размышляю про себя, пока не замечаю тишину вокруг.

Оглядываюсь. Все с удивлением и обеспокоенностью смотрят на меня.

– Сейчас гитару принесу, – успокаиваю всех.

Спел те же песни, что исполнял перед ворами. Пока пел толпа вокруг меня, как минимум удвоилась. Закончив, попытался уйти, но куда там! Насели на меня все, потребовав еще песен. Пришлось исполнять и другие песни. Народ уже запомнил некоторые, и люди просили спеть их или повторить. Пришлось повторить «Кольщик» и «Ушаночку» из новых.

В воскресенье с Павлом закончили запись песен для демонстрации в Москве. Решили, что повезу пленку.

Глава 3.

Июнь. Беянина.

В понедельник сводил Таньку к Рулю. Там, после возни на диване, когда валялись голые и расслабленные подвергся настоящему допросу:

– Почему ты, гад такой, столько времени избегал меня? Скажи правду – чья это квартира? Что у тебя с Маринкой? У тебя с ней серьезно? Ты новые песни написал? В походе петь будешь?

Я даже растерялся от потока вопросов и упреков. Потом она призналась:

– Сволочь ты, Соловьев! Всю душу вымотал. Чего я только себе не напридумывала? А еще девчонки шепчутся – Соловьев Маринку Белову везде танцует – в школе, в клубе, дома и в разных позах. Даже видели вас в Березках за линией.

Я рассмеялся над богатой фантазией сплетниц, а она неожиданно заплакала и отвернулась. Вот это да! Танька ли это? Или это игра? Никогда бы не подумал, что хитрая и расчётливая Беянина (как я думал) способна плакать из-за чувств, – растерялся.

Повернулся к вздрагивающим плечам и круглой попке. Поглаживая всякие приятные выпуклости и целуя в шейку, стал шептать различные успокаивающие глупости и оправдания. Постепенно всхлипывания стихли. Девчонка возбудилась, и мы с ней в очередной раз занялись приятным делом. В этот раз я попробовал быть сверху. Оба возбудились и «потеряли голову». Пришел в себя, когда Танька пискнула подо мной. В процессе имитации полового акта из-за совместных движений мой член почти воткнулся ей в лоно. Только боль заставила Таньку вскрикнуть и прийти в себя. От внезапного ужаса у меня даже эрекция пропала. Она тоже испугалась, но, похоже, меньше меня. Посмотрев на меня заплаканными счастливыми глазами, призналась:

– Ты меня чуть женщиной не сделал. Я, конечно, не против, если ты будешь со мной всегда.

Испытующе смотрит. Вздыхает, что-то поняв и отворачивается.

– Не знала, что я такая собственница, – продолжает признаваться. – Знаешь, как невыносимо видеть, когда вы с Маринкой шепчетесь и смеетесь? Хотя мы с тобой договорились, что я буду с Сашкой, но я не могу с тобой окончательно расстаться и выбросить из головы. Особенно трудно вечером в кровати одной, – хихикает, вспомнив что-то.

Я уже пришел в себя от пережитого ужаса и снова притягиваю ее к себе.

– Теперь я только снизу! – соглашаемся оба.

Какая у нее бархатистая кожа и упругое тело! У Маринки кожа более тонкая и ощущения другие от прикосновений, – заползает подленькая мысль. Татьяна более решительная и откровенная со мной в постели, – продолжаю сравнивать. Даже разделась почти без всякого стеснения вначале, – вспоминаю. Хотя, как только вошли в комнату, сразу оба головы потеряли и стали скидывать одежду с себя и друг друга. Безо всяких прелюдий кинулись голые к друг другу.

– Предполагаю, что мы с тобой останемся любовниками на всю жизнь, – провокационно предположил я.

Татьяна внимательно посмотрела на меня, отвернулась и задумчиво глядя в потолок хмыкнула.

– А ты тогда с Маринкой будешь? – снова вопросительно повернулась.

– Нет. У Маринки – Вовка, – признался.

– А ты с кем тогда? – удивилась.

– Моя жена, возможно, еще на горшке в детсаде сидит, – отшучиваюсь.

– Ах ты, извращенец! – радостно смеется и больно сует кулачком в бок. – Тогда я согласна, – соглашается, опять глядя в потолок.

Для нее важнее, что я не Маринку выбрал, – догадываюсь.

Снова начинаем целоваться и ласкать друг друга...

Когда лежим расслабленные, отдыхая, Танька начала снова начала разговор:

– В пионерском лагере от комбината мы с девчонками рассматривали какую-то самодельную потрепанную книжку с рисованными картинками. Там много разных способов изображено, как может мужчина с женщиной заниматься этим. Всем девчонкам интересно было.

– Вероятно, вы смотрели самиздатовскую версию Кама Сутры, – предполагаю.

– Не помню я, как эта книга называлась. Вроде там начальных и конечных листов не было, – вспоминает. – Мы с тобой тоже будем пробовать по-разному? – наконец задает интересующий ее вопрос.

– Конечно. Когда ты станешь женщиной, – смеюсь. – Сейчас мы с тобой ограничены в желаниях и экспериментах.

– Ты говорил, что в попу тоже приятно, – обличает меня.

Мысленно предполагаю: Без смазки может получиться так же, как с Маринкой.

– Давай в следующий раз попробуем, надо будет кое-что запасти, – отказываюсь. – Нам ведь сегодня и так хорошо! – утверждаю.

Танька благодарно целует в щеку.

– Я такая счастливая! – признается. – Так бы лежала и лежала с тобой, – продолжает и потерлась щекой о мое плечо. – Сюда никто не придет? – беспокоится. – Чья это комната? – интересуется.

– Я, как и обещал тебе, договорился со своим знакомым. Сюда никто не придет, пока мы здесь. Когда мы с тобой расстанемся сегодня, я ему сообщу, – успокаиваю ее.

– Хорошо-то как! – констатирует она. – Почему женщины и девчонки так по-разному рассказывают про это? Ведь это так приятно! – непонятно интересуется Танька.

– Давай потом и об этом поговорим, – предлагаю: – Нам пора собираться.

Гляжу на часы, стоящие на телевизоре. Уже был пятый час. Пора собираться на поезд в Москву.

Таня явно расстается со мной с сожалением. На прощание целуемся. Легко шлепаю по ее симпатичной попке. Радостная уходит через второй выход из подъезда.

Глава 4.

Июнь. Москва.

Еле допёрли многочисленные свертки до вокзала. Снова обшарпанный и вонючий плацкартный вагон. Теперь нас трое. Стаса предупредил, что ему придется ожидать нас на улице во время продаж-покупок, так как люди, с которыми нам приходится общаться против новых лиц. Стас понимающе кивнул, а Фил – заметно обрадовался. По приезду сохранил наши билеты на всякий случай, а ребят предупредил, чтобы не дергались при встрече с милицейским патрулем. Часть груза пришлось оставить в камере хранения.

Соломоныч искренне обрадовался, увидев нас и сразу вызвонил Аду Антонову. Я посмотрел на Юрку.

– Мне что, выйти? – догадался он.

Киваю.

– Я тебя потом позову, – обещаю.

Достаю бобину с пленкой и конверт с текстами и нотами. Вопросительно смотрю на присутствующих.

– Я же говорил, что Сергей умный парень, – заявил довольный Соломоныч Аде Антоновне.

– Давай Сережа сразу определимся с твоим творчеством, – решительно заявляет женщина.

Киваю опять.

– Ты согласен предложить для продажи некоторые свои песни? – спрашивает, пристально вглядываясь в меня.

Снова киваю.

– Ты гарантируешь, что их еще никто не зарегистрировал? – допытывается.

– Возможно, зарегистрировали три мои песни, но их среди этих нет, – трогаю бобину.

– Ты их продал? За сколько? – оживилась Ада Антоновна.

– Коммерческая тайна, – сообщаю и, улыбаясь, пожимаю плечами.

«Должны же торгаши понимать законы торговли», – думаю.

Соломоныч прячет понимающую улыбку, опуская голову.

– Хорошо, – соглашается она, немного разочарованно, – за сколько же ты хочешь продать эти песни с правами на них?

– За пять тысяч рублей за песню, – открыто смотрю на нее, стараясь не проявить эмоций.

– Это не реально! – решительно заявляет женщина. – Пойдем ко мне в кабинет, не будем здесь мешать, – предлагает, взглянув на Соломоныча.

– С нами сегодня еще один пацан. Это он под богом ходит. Та икона была его, – вопросительно гляжу на Соломоныча. – Может не стоит его держать на улице?

Соломоныч колеблется. Потом неохотно кивает и сообщает:

– Пусть заходит.

– Этим летом мне некогда будет ездить к вам. Возможно, он будет возить товар. Парень надежный, – успокаиваю его.

– Хорошо, пусть заходит, – заявляет уже без тени сомнения.

Приглашаю ребят к Соломонычу. Передаю Филу список вещей для Маринки, а сам иду за Антоновной в глубины магазина.

Кабинет у нее значительно просторней, чем у Соломоныча и больше похож на кабинет, чем на склад антиквариата, хотя здесь тоже хватало разных артефактов.

Антоновна расположилась за солидным столом. Кивнула мне на стул возле стола для совещаний, приставленного к ее столу и начала убеждать меня:

– Сережа, пойми! Неизвестные песни неизвестного автора столько не стоят. Надо реально смотреть на вещи.

– Сколько же предлагаете вы? – спрашиваю, стараясь выглядеть равнодушно.

– Пойми. Каждая из песен может стоить по-разному, – задумывается, – от трехсот до одной тысячи рублей, – предлагает. – Если действительно песня стоящая, – уточняет.

Мотаю отрицательно головой:

– Могу предложить одну стоящую песню за три тысячи, если можете зарегистрировать в ВААПе остальные, – предлагаю.

Удивленная моей информированностью, смущенно заявляет:

– Я такие вопросы не решаю.

Еще раз замечаю у Ады Антоновны эмоции.

– Твои песни надо слушать, чтобы их оценить. Здесь у меня нет магнитофона, чтобы их прослушать. Предлагаю съездить к одному знающему человеку, который сможет их оценить и купить, – вопросительно смотрит на меня она.

Пожимаю плечами:

– Если надо, поехали.

Антоновна, задумчиво глядя на меня, тянется к телефону.

– Алло, это я! – ..., – приехал. – ..., – Привез, – ..., – пленку и ноты. – – Сколько песен? – спрашивает меня.

– Семь, – отвечаю.

– Семь, – повторяет в трубку.

Слушает:

– Так, ... так, ... поняла, ... так, ... хорошо! – кладет трубку.

– У нас есть час. Потом встретимся с одним человеком, – задумчиво сообщает мне.

Я поднимаюсь из-за стола.

– Поедем, кофе пока попьем. Расскажешь мне о себе, – предлагает мне, решительно поднимаясь с кресла.

Молча иду за ней. Выходим во двор через заднюю дверь магазина. Антоновна подходит к новой красной «шестерке». Открывает ключами водительскую дверь, садится и, перегнувшись через сиденье, открывает правую пассажирскую дверь для меня. Замечаю болтающуюся на зеркале, какую-то пушистую зверушку и наборный плексигласовый набалдашник на рычаге переключения передач.

«И весь тюнинг? – мысленно удивился. «Хотя нет, что-то переключила под приборной панелью», – заметил. «Вероятно, самопальная противоуголка установлена», – предположил.

Поехали какими-то дворами, переулками и я быстро запутался в кривых московских проулках и поворотах. Подъехали к кафе в каком-то тихом переулке.

«Гости столицы, явно про это кафе не знают», – мысленно отметил.

Антоновну здесь знали, так как она приятельски здоровалась с немногочисленным персоналом. Посетителей в кафе было немного из-за раннего времени. Сев за столик у окна, она сделала заказ для себя и вопросительно посмотрела на меня.

– Кофе со сливками или с молоком. (Сомневаюсь, что в это время найдутся сливки даже в Москве). Сахара одну ложку, – сделал заказ я.

Вижу удивленный взгляд Антоновны. «Опять эмоции вызвал!» – удовлетворенно отмечаю мысленно.

– Расскажи, пожалуйста, о себе, – предлагает Антоновна.

– У меня не богатая биография, – улыбаюсь. – Живу с родителями в рабочем поселке, перешел в десятый класс.

– От девочек, наверное, прохода нет? – провоцирует на откровенность.

– Пока справляюсь, – неопределенно отвечаю, открыто улыбаясь.

Антоновна помолчала и, не дождавшись продолжения снова спрашивает:

– Как ты песни стал сочинять?

– Давно замечал, что в голове порой крутятся какие-то мелодии, иногда со словами. Решил как-то записать. Купил и научился играть на гитаре. Ходил к репетитору – профессиональному музыканту. Он помогает с нотой записью и табулами. Недавно выступил на концерте к восьмому марта со своей песней, – привычно рассказываю свою версию.

– Кому уже продал песни, расскажешь? – спрашивает.

– Одну в наш городской ВИА, две другие для женского голоса певице из областной филармонии. Одна из них «Дальнобойщик». Вы слышали ее. Девочка, которой ее подарил, так решила, – признаюсь.

– За сколько их купили, не скажешь? – допытывается.

– Дорого, для нашего городка и областного центра, – намекаю на столичные возможности.

Антоновна обиженно поджала губы.

– Все равно, ты очень дорого запросил, – задумчиво заявляет она.

– На какой гешефт Вы рассчитываете, если не секрет? – откровенно спрашиваю.

Антоновна пристально смотрит на меня и задумчиво произносит:

– Евгений говорил мне, что ты очень необычный молодой человек. Теперь я и сама... – замолчала. – Конечно, я рассчитываю на небольшой процент, – признается неохотно. – Все будет зависеть от человека, к которому мы едем.

– Чем думаешь заниматься после школы? Музыкой? – интересуется, думая о другом.

– Нет. В институт пойду, – признаюсь.

– Все, поехали, – сообщает, взглянув на часы, и лезет в сумочку за кошельком.

Достаю и кладу на стол рубль.

– Я заплачу, – нерешительно заявляет Антоновна.

Пожимаю плечами и выхожу из-за стола, «забыв» рубль на столе.

В машине предлагаю:

– Вы можете рассчитывать на десять процентов с каждой проданной песни. Или тысячу, если поможете зарегистрировать песню в ВААП.

– С ВААПом я тебе вряд ли помогу, – задумчиво признается она. – Надо бы с Евгением посоветоваться, – решает и поворачивает к обочине, останавливаясь у телефонной будки.

Возвращается. Едем дальше.

– Евгений тоже не знает. Пообещал разузнать про регистрацию. Вероятно, потребуются немалые деньги, – сообщает, взглянув на меня.

«И здесь хотят заработать жуки!» – думаю с неприязнью.

Приехали к старому пятиэтажному дому. Дом был с всякими архитектурными изысками. Поднялись на четвертый этаж по широкой лестнице. Между лестничными пролетами было пустое квадратное пространство. «Для лифта, что ли?» – возник вопрос, «для подъема крупногабаритной мебели», – пришел ответ от памяти будущего.

На звонок открыл дверь невысокий седоватый мужчина, лет пятидесяти, одетый в халат на белоснежную рубашку с галстуком. С интересом посмотрел на меня и расцеловался с Антоновной. Она представила нас:

– Сережа Соловьев, Иосиф Аркадьевич!

Пожали руки.

«Рука мягкая, теплая», – мысленно отмечаю.

– Проходите, пожалуйста, – хозяин приглашает рукой вглубь просторной роскошной квартиры.

Не снимая обуви, проходим в большую комнату. Оглядываюсь. В углу рояль, вдоль стен вычурные диванчики и стулья. В другом углу столик с букетом живых цветов, похоже на антикварный со стульями на гнутых ножках вокруг. У входа какие-то статуи, в углах вазы. Вдоль левой стены белая мебельная стенка в тон со светлыми стенами. Комната, да и вся квартира оформлена богато и со вкусом.

– Чай, кофе? – радушно предлагает хозяин.

– Благодарю, только пила, – отказывается Антоновна.

– Спасибо, – тоже отказываюсь.

Он приглашает нас к столику и садится спиной к окну.

«Лицо прячет в тени», – соображаю.

– Ну-с, молодой человек, говорят, вы можете удивить старика? – мельком взглянув на Антоновну, с интересом смотрит на меня, приглашая к разговору.

Пожимаю плечами, молча ожидая продолжения, и достаю из пакета бобину с пленкой и конверт с нотами.

– Вам решать, – сообщаю.

– Хорошо, не будем терять время, послушаем, – забирает пленку. – Может, сам споешь? – предлагает, не выпуская бобину из рук. – Мне сообщили, что ты хорошо поешь, – опять взглянул на Антоновну. – В живую песня по-другому звучит, – объясняет.

– Могу, – соглашаюсь с ним.

– Что тебе для этого надо? На каком инструменте играешь? – интересуется.

– На акустической гитаре, шестиструнной, – сообщаю.

Непроизвольно морщась от выбора плебейского инструмента, встает из-за стола:

– Сейчас посмотрю, где-то был этот инструмент.

Приносит гитару и протягивает мне. Пробую звук. Шикарно. Гитара эксклюзивная, концертная. Немного подстраиваю и начинаю с первой песни, записанной на пленке – «Так хочется жить».

Во время моего исполнения Аркадьевич положил подбородок на сцепленные в замок руки и прикрыл глаза. По окончании песни задумчиво посмотрел на меня.

– Я не буду сомневаться в твоём авторстве, хотя твой возраст и эта песня не соответствуют друг другу, а исполнение у тебя дворовое, – сообщает. – Эта песня первая на пленке? – интересуется и снова берет бобину.

Киваю. Он встает, идет в стенку и, открыв одну из дверей умело заправляет пленку в большой магнитофон. Марки не вижу. По комнате разносятся из невидимых динамиков звуки синтезатора Павла и мой голос. «Вроде неплохо получилось записать», – мысленно отмечаю.

– Кто играет? Не ты? – останавливает магнитофон по окончании песни и спрашивает меня.

– Один профессиональный музыкант, – признаюсь.

– Хм, не плохо, – соглашается, – давай тогда и другие песни на пленке послушаем, – принимает решение и запускает магнитофон.

«Не вдохновился моим исполнением под гитару», – догадываюсь.

Аркадьевич, отойдя от магнитофона, прослушивает все записи, выключает и поворачивается ко мне.

– Какие разноплановые песни. Все твои? – не выдерживает он.

Молча смотрю на него и киваю.

– Я бы не решился показывать их профессионалам, если бы это был плагиат, – наконец сообщаю ему.

– Спой под гитару про коня, – предлагает он.

Пою «Коня», потом и другие песни по его просьбе. Наконец он подходит к главному вопросу:

– Сколько ты за них просишь?

Передаю слово в слово то, что уже озвучил Аде Антоновне.

– Ого! – восклицает и, обращаясь к ней: – Ничего себе аппетита у современной молодежи! Зачем тебе столько денег? – спрашивает, хитро глядя не меня.

– Овес нынче дорог, – уклончиво отвечаю репликой Бендера.

Аркадьевич тонко захихикал. «Тоже знает Ильфа и Петрова», – мысленно отмечаю.

– Я могу тебе заплатить тысячу рублей за все песни, – предлагает.

Встаю, задвигаю стул и беру со стола конверт с нотами.

– Извините, что отнял у вас время. Пленку отдадите? У меня в Москве еще много дел, – смотрю угрюмо на него.

– Пленку-то отдам. А если эти песни прозвучат потом где-нибудь? Что будешь делать? – хитро сморит на меня.

– Я могу даже оставить пленку, уйти без нее и без денег, но обманув меня сейчас, в будущем вы потеряете больше. Я не злопамятный, но память о зле у меня хорошая, а жизнь сегодня не заканчивается, – сверлю его взглядом.

Некоторое время меряемся взглядами. Наконец он отводит взгляд. Антоновна сбоку облегченно выдыхает, чуть скрипнув стулом.

– Не собираюсь я никого обманывать, – буркнул он в сторону. – Кто же так торгуется? Сразу собираешься уходить, угрожаешь, – возмущается, видимо забыв, что только что сам угрожал кинуть меня.

– Не люблю торговаться, – сообщаю, – я знаю настоящую цену моим песням. Она значительно больше, чем прошу я.

– Откуда ты можешь знать? Я предлагаю тебе реальную цену, по две тысячи за первую песню и про коня, за остальные по пятьсот рублей.

Начался конструктивный торг. В результате пришлось скинуть свою цену. Сошлись на четыре тысячи пятьсот рублей за «Так хочется жить», «Коня» и «О той весне», после того, как я объяснил концепцию песни о войне – несколько детей в касках и солдатских скатках поют на фоне военной кинохроники. Остальные четыре песни ушли по три тысячи за каждую. Согласился с дополнительным условием Аркадьевича привезти ему еще песен. Вижу довольство в глазах Антоновны.

– Не споешь ли те песни, которые уже продал? – спрашивает она.

– Кофе можно? – интересуюсь, наглежа.

– Иосиф Аркадьевич, у вас сливки найдутся? – улыбаясь, спрашивает в спину, отсчитывающего деньги Аркадьевича.

– В холодильнике посмотри, – отмахивается он.

Через некоторое время отхлебываю ароматный напиток и берусь за гитару. Пою «Дальнобойщик», «Маленькую страну» и «Все пройдет».

– Однако, – неопределенно произнес Аркадьевич. – Еще есть? – интересуется.

– Есть дворовые и блатные, – признаюсь.

– Спой, – чуть ли не в унисон попросили оба.

Пожимаю плечами и пою «Кольщик», «Ушаночку», «Ребята с нашего двора» и «Старые друзья».

– У тебя кто-то сидел из родных? – формально поинтересовался Аркадьевич. (Видимо, не впечатлился от этих песен).

– Нет. Много знакомых сидело и сидит, – признаюсь.

– Какую песню ты пел на вашем концерте? – не унимается Антоновна.

– Про бабушек, – отчего-то смущаюсь.

– Спой, – предлагает и объясняет Аркадьевичу о нашем концерте к 8-му марта.

Пою про бабушек. Взрослые внимательно слушают.

– Образно и трогательно, – отмечает Аркадьевич. – Ты в песнях упоминаешь бараки, сараи.... Там так у вас живут? – интересуется.

– Живут по-разному. Я с родителями и бабушкой – в бараке, – признаюсь.

Пересчитываю деньги и складываю их в пакет.

– Тебе куда надо? – спрашивает Антоновна.

Смотрю на настенные часы и прикидываю, где могут сейчас находиться ребята. Судя по времени или у Соломоныча, или у фарцовщиков.

– Мне бы к ребятам, – прошу Антоновну. Она кивает и спрашивает разрешения у Аркадьевича воспользоваться телефоном.

– Сережа, помни о своем обещании, – напоминает он и протягивает свою визитку.

Киваю, прощаюсь и выхожу на лестницу. Только в машине чувствую, как спадает внутреннее напряжение. Отсчитываю Антоновне причитающуюся ей сумму.

– Удивил ты Иосифа, – сообщает она, – и меня тоже, – признается и впервые улыбается мне. – Он был моим преподавателем в Гнесинке когда-то, – признается с грустью.

– Сейчас работает администратором? – предполагаю я.

– Откуда ты знаешь? – удивляется.

Пожимаю плечами:

– Догадался.

Заехали в какой-то мрачный двор и остановились.

– Где это мы? – оглядываю незнакомое место.

– В этом доме в семнадцатой квартире должны быть твои ребята или скоро подойдут, – показывает на дом Антоновна. – Тебя, когда в следующий раз ждать? – интересуется.

– Вероятно, в августе или сентябре. Ребята возможно раньше с антиквариатом приедут, – сообщаю.

Домой вернулись довольные. В Москве купил себе легкую ветровку для похода. Еще в поезде задался вопросом: «На что Фил копит деньги, если почти ничего не покупает?»

Глава 5.

Июнь. Поход.

Подготовка к походу шла полным ходом. Когда стал вникать в детали схватился за голову стоило только почитать методические рекомендации для организации мероприятия руководителям походов. На месте Михалыча, положив руку на сердце, я бы отказался. (Сужу с позиций будущего юриста). Если вдумчиво разбираться, то практически мы все пункты инструкции нарушили.

Штатным медиком назначили Ленку Андронову, так как у нее мама работает в железнодорожной больнице. «Вполне логичный выбор! Ее мама все знания медика передаст или это передается с генами?» – мысленно иронизирую. Ей вручили сумку санинструктора и повязку с крестом.

Естественно медосмотр перед походом никто не проходил. Тренировочный поход на один-два дня не делали. Проигнорировали другие мелочи, из-за которых при расследовании в случае ЧП всем организаторам светило потерять должность или грозила статья. Михалыч – пох...ист? Вроде опытный преподаватель и этот поход для него не первый.

Постарался выкинуть все из головы, так как помнил, что все обошлось и все вернулись домой в конце месяца здоровые, довольные, только усталые. При распределении груза между членами команды естественно оказалось, что всем ребятам кроме своего рюкзака придется нести еще один или два крупных баула или свертка. Мне досталась палатка, не считая части общих продуктов в рюкзаке. Полученные в спортзале завода палатки пришлось чинить и искать недостающие растяжки (веревки). Рассматривая схему маршрута на кальке, попытался склонить Михалыча к игнорированию части намеченного маршрута. Из будущего помнил, как все измучились в начале похода, проходя второй отрезок пути.

Район у нас болотистый или лесисто-болотистый. С укрупнением колхозов многие деревни оказались заброшены, и территория обезлюдела. Соответственно старые дороги, отмеченные на карте заросли или пропали, мосты, переправы или дамбы разрушились. Не зря татаро-монголы в наших краях были когда-то зимой. По одной из гипотез – они не смогли дойти до Новгорода из-за начавшейся оттепели – зимы не хватило!

Михалыч легкомысленно отмахнулся от моего предложения. Наш план похода предусматривал движение по берегу Волочи, одной из основных рек нашего района от истока до границы района. Практически это было не реально, если только не плыть по воде. Многочисленные леса, притоки, ручьи, примыкающие к реке озера и болота не позволили бы идти по берегу, поэтому Михалыч наметил более реальный маршрут по дорогам и тропам, появляясь и отмечаясь на берегу Волочи в определенных местах. Подобному варианту движения способствовало то, что река по территории нашего района делала три большие петли. Начинаясь на северо-западе района, река петляла по территории, отклоняясь то к востоку, то к югу, снова к востоку, поворачивала к западу и уходила за границу района на севере. В задачу похода входило обязательное посещение исторических мест и достопримечательностей на берегу реки.

Свою гитару брать в поход я отказался наотрез. Девчонки подсустились и выпросили гитару у Кузи, барабанщика школьного ВИА.

«Интересно, как и чем они будут рассчитываться, если инструмент пострадает?» – задумался с иронией.

Укладывая в рюкзак байковое одеяло с сожалением вспомнил свой трофейный спальный мешок в Афганистане. Вот была незаменимая вещь на боевых. Тонкий, легкий, теплый. Говорили, что на гагачьем пуху. Конечно не проверял. Сворачивался в небольшой рулончик, почти

ничего не весил и много места не занимал. Хотел привезти его в Союз при выводе войск, но подарил другу, остающемуся там еще на полгода.

Закончив сборы, полюбовался на себя в зеркало. Выгляжу, как парашютист с запасным парашютом. Мешки за плечами и на груди. К рюкзаку еще и резиновые сапоги пришлось при-торочить. Ничего, вроде не очень тяжело, пока нет пройденных километров за спиной. Завершив подготовку, пошел вспоминать и репетировать туристические и походные песни. Придется развлекать туристов вечерами у костра. Хорошо, что Михалыч бывший музыкант. Тоже будет петь, наверное.

В назначенный час на следующий день встретились на автовокзале и загрузились в рейсовый автобус. Татьяну провожала мама. Танька среди нас выделялась яркой желтой ветровкой из болоньи с капюшоном и спортивными штанами в обтяжку, и выглядела на фоне других девчонок модницей. «В чем ее мама хочет убедиться? Или рюкзак помогала дочке нести?» – с неприязнью подумал про Валентину Алексеевну

Поход начался. Высадились в последнем селе на границе района. По карте в нескольких километрах на севере находился начальный пункт маршрута и планировалась первая ночевка. Двинулись весело с шутками и разговорами в нужную сторону. Прошли село, колхозные поля и вошли в лес.

Да, действительно здесь была когда-то лесная дорога. Сейчас она превратилась в еле заметную тропинку. Несмотря на жаркий июнь, в лесу было сыро. К тому же на нас накинута тучи комаров и слепней. Переоделись в сапоги и намазались какой-то мазью. У одного Михалыча, как многоопытного рыбака были болотные сапоги и широкополая шляпа с сеткой. У многих девчонок оказались модные короткие сапожки. Периодически приходилось преодолевать сырые заболоченные участки, с трудом выдирая ноги из грязи. Шутки и смех смолкли. Слышалось только чавканье шагов, изредка матерок от пацанов или айканье девчонок и шлепки по открытым участкам тела – все боролись с кровососами.

Напугала всех Ленка Малкова, внезапно завизжав и забившись в истерику. Скинула свою модную соломенную шляпу с загнутыми полями и начала что-то искать в волосах. Оказалось, к ней в волосы забралась лосиная вошь. «Вот они, настоящие эмоции! – отстраненно констатирую, – это не на сцене радость и восторг изображать».

Я не слышал, чтобы этот паразит кусал людей, но, когда он ползает в волосах – неприятно. Избавиться от него легко, хотя он и цепляется за волосы. Твердый, раздавить трудно. Девчонки помогли Ленке избавиться от паразита. Она смущенно призналась, что не переносит пауков, тараканов и других насекомых. Теперь еще и лосиных вшей. Все девчонки сразу перевязали платки по бабьи, спрятав все волосы, а то щеголяли в косыночках. Модницы!

Несколько километров превратились в четыре часа трудного пути. Нам, ребятам пришлось несколько раз раздеваться, преодолевая довольно глубокие ручьи или болотины и переносить девчонок и грузы на руках. Один Михалыч не переодевался. Подтянул свои болотники и таскал в них.

Маринка Любимова из-за своего большого роста и отсутствия координации соскользнула с бревна, переходя промоину и приземлилась (приводнилась) на четыре точки в воду и грязь, вызвав короткий всплеск веселья. Смешно, когда у соседа неприятность! Сменив носки и вылив воду из сапожек, она мужественно дошла до конечной точки сегодняшнего маршрута. Вообще я изменил свое мнение о девчонках из нашей команды. Не было ни кокетливых стонов, ни просьб о дополнительном отдыхе или о послаблениях для слабого пола. Все девчонки вместе со всеми добросовестно преодолевали все трудности.

Наконец, вышли к деревне – конечной точке сегодняшнего маршрута. Деревня умирала. Жилыми оставались всего несколько домов со стариками. Хорошо, что колхоз или сельсовет заботился о них. К деревне была проведена дорога с противоположной стороны от другого шоссе.

В нескольких километрах на север от деревни, где-то в болотах находился исток нашей реки. Деревня называлась Ключи. Вероятно, с одного из ключей и начиналась Волоча. Под холмом, на котором раскинулась деревня протекал один из притоков Волочи. На берегу мы и оборудовали нашу первую стоянку. Все вымотались тяжелым переходом. Я тоже устал и был раздражен. «Ребята еще не знают, чего их ждет завтра! Может еще раз попробовать убедить Михалыча вернуться по той же дороге к трассе?» – раздумываю.

Завтрашний участок маршрута намечался от Ключей на восток через леса и болота в сторону деревни Сырец через ряд заброшенных деревень. Одна из них была Душкино, которую мы с Филом навещали ранней весной. Длина участка маршрута составляла около пятнадцати-двадцати километров, а дорога будет намного хуже сегодняшней.

Пока раздумывал и участвовал в обустройстве лагеря Михалыч усвистал на рыбалку.

– Зачем устанавливать лагерь, если рядом много пустующих домов? – спрашиваю ребят.

Подозреваю: «Мысль от памяти и опыта из будущего». В ответ от ребят посыпалось:

– Дома не надоело спать в кровати?

– Мы же в походе! Вот и должно быть все по-походному.

– На свежем воздухе так приятно спать, наверное.

– «Там домовой, там леший бродит...»

– Русалка под столом лежит, – продолжаю шутку я, смеша окружающих.

«Нет. Не убедить «романтиков» походной жизни в рациональности предложения. Наедятся этой романтики все через неделю. Вероятно, завтрашними трудностями тоже пока никого не испугать. Собираюсь изменить историю страны, но не могу изменить историю похода. Не могу убедить группу школьников немного изменить маршрут и упростить поход. Может вообще невозможно изменить инерцию людей, привычки, мышление?» – пугаюсь. «Нет. Смогу, только радикальными методами. Например – имитировать приступ аппендицита или «подвернуть» ногу. Тогда придется всем возвращаться в ближайший населенный пункт на шоссе, где были сегодня. Значит курс моей страны тоже можно изменить подобными методами, но я не хочу сегодня врать и притворяться ради такой мелочи – изменения маршрута. Смогу ли я решиться на отвратительный или преступный поступок, способный изменить историю страны?» – задумываюсь и понимаю, что не знаю ответа. От этого еще больше расстраиваюсь.

После разбивки бивака насобирали хворост, разожгли костер и девчонки начали готовить обед-ужин.

Ленка Малкова, вспомнив про свои обязанности заместителя руководителя, напомнила про наши задачи в походе. Зафиксировать на фотографиях ход всего похода и обязательно исторических мест, которые мы будем проходить. Красочно все описать все в Походном дневнике. Выбрать походную песню нашей туристической команды и разучить ее. Кроме этого надо будет на Туристическом слете показать смешные сценки, которые были или будут происходить с нами в походе. Или придумать их.

– Ну-ка Маринка, давай потренируйся падать в грязь, – предложил со смехом Сашка Дорохов Любимовой, которая только что отстирала свои вещи.

Все засмеялись. Маринка уже было открыла рот, чтобы дать отпор шутнику, но Ленка, повысив голос призвала:

– Ребята, давайте серьезно! Я думаю, что с песней нам поможет Сережа, – кивнула на меня. – А для представления я подобрала несколько сценариев о походах. Нужно будет выбрать подходящий и отрепетировать. Вот, слушайте, – предлагает она и достает свернутые листы.

– Вы слушайте, а я пойду окрестности фотографировать, – подхватывается Толик Чапель, как походный фотограф.

Ленка с выражением начинает читать какие-то истории. Вслушиваюсь, пытаюсь представить, как их сыграть и понимаю, что большинство нам не подходит. Нет подходящих декораций, ведь не будешь же зрителям говорить:

– Представьте, вот здесь мост... Поймали туристы ишака...

Другие истории были сложны для понимания со слишком тонким юмором или требующие профессиональных актеров. Большинство ребят думали также. После долгих споров отобрали один сценарий, решив его максимально упростить. Распределили роли. Я уклонился, так как не требовалось участие всех членов команды под предлогом подбора песни.

Лежу на спине возле костра. Балдею. Положил рюкзак под голову, а гитару пристроил на пузо и перебираю струны. Изредка бросаю взгляды на суетящуюся возле котла Ленку Андронову. Заметив, куда я смотрю, она заливается краской. У рыжих людей с бледной кожей это происходит выразительно, даже веснушки стали незаметны.

– Сережка! Помог бы лучше, – не выдерживает она.

– Не мешай творческому процессу. Продолжай священнодействовать с хлебом насущным. Ты меня вдохновляешь! – вещаю загробным голосом и отвожу взгляд от широких бедер и выразительной задницы.

Уж слишком девчонка привлекательно выглядит, когда наклоняется над котлом

Ленка не выдерживает и смеется.

Вечером у костра после ужина в перерыве между песнями я все-таки попытался убедить всех, что стоит вернуться по старой дороге назад, потом доехать на автобусе или попутке до ближайшего места к следующей плановой стоянке и без труда дойти до места. Пугаю продолжительностью маршрута и худшей, чем сегодня дорогой. Вижу, что Михалыч задумался. Танька пристально смотрит на меня. Вероятно, вспомнила про мои пророчества. Ребята же отнеслись к моему предложению легкомысленно. Переломил сомнения Сашка Конкин:

– Чего там не пройти? Пройдем!

«Выеб...тса перед девчонками!» – мысленно комментирую с неприязнью.

– Если Маринка не будет по дороге снова нырять за рыбой, – добавил Серега Иванайнен, вызвав смех.

Решили проголосовать. Большинство были за продолжение похода по маршруту. Против нового пути были только я, пострадавшая сегодня Маринка и Танька. Михалыч воздержался. «После завтрашнего перехода будете по-другому относиться к разумным советам», – предполагаю. Только потом поход пойдет гладко и советы не потребуются. Заметил ревнивый взгляд Саньки на меня.

Утром после завтрака свернули лагерь и отправились в путь. На этой бывшей дороге даже тропы не было. Заболоченные участки были обширней, раздеваться приходилось чаще. Извалялась в грязи не одна Маринка. Пришлось делать несколько привалов для отдыха, как правило, на сухих возвышенностях в заброшенных деревьях.

Вероятно, когда-то это была единственная дорога, ведущая из нашего города в сторону соседнего районного центра. Она тянулась через ряд деревень и сел. Потом южнее построили новое шоссе, выпрямив путь. Шоссе на том участке прямое, как по линейке. Единственный участок, где в нашем районе можно разогнаться до максимальной скорости, если хочешь проверить возможности своей машины. Вспомнил из будущего: «Так я сам делал!»

В последствие старая дорога оказалась никому не нужна кроме местных жителей. Деревни постепенно обезлюдели и были признаны не перспективными. Жители со временем окончательно покинули их.

Развлекаюсь анализом, двигаясь в колонне и выдирая ноги из вязкой земли. Пройдет еще лет двадцать и от многих из этих домов не останется следа, а места бывших поселений зарастут молодым лесом. «Пока еще есть возможность надо бы прочесать их, поискать иконы и прочую старину», – планирую на очередном привале, оглядывая заброшенные дома. «Сколько же подобных труднодоступных и забытых деревень в нашем районе?» – задаюсь вопросом. Если не будет продолжительных дождей в ближайшие недели, то дороги и тропы подсохнут. «Надо ребят направить сюда в июле», – принимаю решение. Вокруг грибные и ягодные места.

Вон сколько прошли черничников, брусничников и клюквенников. Заодно и ягоды с грибами можно пособирать. Напрямую от нового шоссе до некоторых деревень – около километра через лес и болота.

Один из таких привалов сделали в Душкино недалеко от знакомой церкви. На протяжении всего пути Толя Чапель фотографировал нас на маршруте и на отдыхе для истории и для Походного дневника. «Только уже не будет нашей фотографии с найденной одной из больших икон. Икона уже давно у Соломоныча», – замечаю про себя. Но, как и должно быть, он сфоткал всех на фоне деревянной церкви, выстроившимися на стволе поваленного дерева.

«Сколько же культурных ценностей пропадет вместе со старыми домами в заброшенных деревнях?» – ужасаюсь мысленно.

К вечеру доплелись, еле переставляя ноги до конечного пункта участка маршрута – деревни Сырец. К концу все уже вслух сокрушались, что не послушались вчера Соловьева, а Маринка громче всех злорадствовала. Только Санька и Михалыч упрямо и молча перли вперед.

Волоча находилась всегда слева от нас в нескольких сотнях метров, но подойти к ней не было возможности из-за обширной заболоченной поймы. На следующей точке маршрута мы должны увидеть, наконец, реку.

Лагерь уже не разбивали, а заняли два соседних приличных дома и на полу расстелили палатки. Поужинали чаем и бутербродами. Сил ни на что уже не было, даже отмываться не хотелось. Большинство решили постираться завтра у реки.

На следующий день через пару километров вышли к шоссе и по обочине двинулись к третьей точке маршрута деревне Ильицыно. По дороге прошли несколько деревень. В Ильицыно Михалыч отправил нас на противоположный конец деревни, а сам куда-то свернул. Последним в ряду деревенских домов стоял двухэтажный дом зеленого цвета с вывеской у входа. Мы устало развалились перед зданием. Минут через пятнадцать ожили, задвигались. Девчонки пошептавшись, гурьбой отправились за дом. На плохочитаемой табличке разобрал – Школа-интернат.

Появился Михалыч с какой-то женщиной. Она открыла дверь в здание и пригласила нас. Отперла одно помещение с двумя рядами металлических кроватей. Матрасов и подушек не было.

– Вторую спальню тоже открывать? – смотрит на Михалыча.

Он перевел взгляд на девчонок. Те разом загомонили, кто отрицательно, кто соглашаясь.

– Открывайте, – махнул рукой он. – Располагайтесь, – командует нам и скидывает рюкзак на ближайшую кровать.

Потом, отойдя вниз по склону метрах в пятидесяти от интерната у кустов указал, где нам разводить костер и готовить ужин.

– А я пойду спиннинг покидаю, – объявил.

– А река-то где? – кто-то поинтересовался.

– Там, метров двести до нее, – махнул рукой на кусты.

– Искупаться, помыться и постираться бы, – мечтает Санька Дорохов, почесываясь.

– Моется тот, кому чесаться лень! – назидательно заявил Михалыч, направляясь к зданию. – По шоссе пройдетесь до моста, там найдете место для купания. Стируйтесь лучше здесь. Воду возьмете в колодце, – инструктирует на ходу.

«Наконец-то Михалыч добрался до рыбного водоема. Фанат!» – мысленно отмечаю.

Я знаю, что Ильицыно славилось среди городских рыбаков рыбными местами в отдельные периоды. Впервые меня в начальных классах на серьезную рыбалку привозили куда-то в эти места городские мамы родственники.

Меня рыбалка никогда не привлекала. В детстве имел бамбуковую удочку из двух колен и ходил иногда с ребятами на рыбалку за компанию на ближайšie водоемы. Рыболовного фана-

тизма не приобрел и в дальнейшем. Меня никогда не прельщало покрывать многие километры, чтобы добраться до наиболее рыбных мест.

Под конец армейской службы я оказался в гарнизоне Приморского края, который располагался возле нерестовой речки. Там многие ловили кету в период нереста часто. Для этого использовали самодельный тройной крючок, сделанный из пружин матраца. Привязывали его к толстой леске, и орудие лова было готово. Осталось выйти на реку, раскрутить и закинуть тройник в речку подальше, а потом резко дергать за леску на себя. В удачные дни можно было надергать немеряно крупных рыб, но чаще старались ради самок с икрой. Все равно больше шести-семи хвостов домой не унести, поэтому далеко от гарнизона не уходили. У всех «рыбаков» было изрезанное леской ребро ладони рабочей руки. С тех пор не очень люблю красную рыбу в любом виде, так как переел на Дальнем Востоке.

Идеальная рыбалка для меня – это раз или два в год выехать летом на речку, озеро или пруд. Насадив на крючок наживку, закинуть в водоем и сидеть на бережку или на раскладном стульчике, глядя на поплавок и слушая музыку из машины. Добыча меня тоже не интересовала, а находиться на природе нравилось.

Вот грибы собирать любил. Тогда способен был отмахать многие километры. Места у нас грибные. В тучные годы загружал в машину грибы мешками, снабжая всех друзей и соседей, не забывая маму. Вот только грибы предпочитаю только в супе (шампиньоны из магазина) и жареные лисички в салате изредка.

Сейчас с ребятами по-быстрому разожгли костер, подготовили колья и установили треногу. Подвесили котел с водой. Нарубили сушняка и под неодобрительное ворчание девчонок отправились на речку купаться и стираться. Волоча в этих местах не широкая, но довольно глубокая с крутыми обрывистыми берегами. Еле нашли более пологий спуск к воде. Глубина началась сразу у берега. Михалыча не было видно. Кое-как простирнули одежду и несколько раз искупались. Попробовал поплавать различными стилями – кролем, брассом и баттерфляем, чем удивил ребят.

Все-таки наш регион больше северный, чем центральный. Время для купания в открытых водоемах не продолжительное, а закрытых в городе нет и не будет в будущем. В наиболее жаркое лето купаться комфортно можно не более двух месяцев. Бывали годы, когда ни разу за лето не купались из-за погоды, поэтому неудивительно, что некоторые ребята плавали неуверенно, а девчонки еще хуже.

В военном училище меня натаскали в плавании. Трудно не стать хорошим пловцом, когда приходилось несколько раз в неделю подолгу плавать в бассейне и часто на время. Курсанты к выпуску все плавали уже на степень военно-спортивного комплекса, даже те, кто не умел плавать до поступления в училище.

Подсушив одежду, отправились назад. Девчонки радостно скинули на нас доваривать ужин, пытаясь проинструктировать. Наивные! Затребовав провожатого -безобидного на их вид Толю, довольные удалились стираться и принимать водные процедуры. Мы, конечно, посоветовали Толику захватить фотоаппарат, чтобы потом организовать отдельную закрытую выставку в классе. Сами развалились возле костра, «выбрав» кашеваром Серегу Иванайнена. Он деревенский, должен уметь готовить.

Уже все сварилось, по общему мнению, а девчонок и Михалыча все не было. Решили только немного попробовать и дожидаться остальных. Судя по объему сваренного, должно было хватить на три таких, как наша команды. Похоже, девчонки тоже еще те поварахи. Заморили «червячка» и подвесили кипятиться чайник.

Вернулись довольные чистенькие девчонки с тюрбанами из полотенец на головах. За ними шел Михалыч с Толиком. Без улова.

«Рыба на дальний кордон ушла», – мысленно иронизирую, вспомнив знаменитый фильм из будущего.

Ужинали уже в сумерках. Осоловевшие от обильного ужина и усталые, разошлись по кроватям. Уже лежа в кроватях обсуждаем завтрашний маршрут. Незаметно для себя засыпаю. Ночью, сквозь сон слышал, как Михалыч с кем-то ругался, но меня не подняли.

Утром узнали, что ночью приходили знакомиться с городскими девчонками местные пацаны. До реального конфликта не дошло.

После завтрака пока все собирались к следующему этапу, я с Михалычем отправился в местную МТС. Наш руководитель надеялся решить вопрос с попутным транспортом для нас. Протяженность этого этапа составляла более пятнадцати – двадцати километров по дороге или около восьми напрямую. Наученный горьким опытом второго этапа Михалыч решил не рисковать и не доверять картам. В местном транспортном парке было множество тракторов, комбайнов, различных сельхозагрегатов и грузовиков, находившихся под открытым небом.

«Сколько же здесь явного металлолома!» – поражаюсь. Среди автомобилей обнаружили грязный ПАЗик. Нам показали на помятого в грязной спецовке мрачного мужика, водителя автобуса.

– Не могу, путевка нужна, – недовольно буркнул он на просьбу Михалыча подвезти нашу команду до поворота на Посеки – десять километров.

Так и не добившись от водилы, кто распоряжается путевками, Михалыч отправился на поиски начальства.

Разглядываю помятого мужика с тоскливыми и опухшими глазами. «От автобуса не отходит», – отметил мысленно. Он заметил, что я его внимательно рассматриваю и насупился.

– Тяжко? – сочувственно спрашиваю.

Тот только отвел взгляд и вздохнул.

– Пятерки хватит? – спрашиваю прямо.

Водила встрепенулся и недоверчиво уставился на меня. «О! Сразу жизнь и надежда в глазах проявилась», – отмечаю про себя.

– Довезешь до Посек, – утверждаю и достаю пять рублей.

Преображенный мужик радостно закивал:

– Хоть туда и обратно, – радостно заявил, выхватывая купюру.

– Поехали, – киваю на автобус.

– Поехали, – соглашается, – только...

– Вернешься, похмелишься не торопись, – убеждаю его.

Мужик кивает, лезет в автобус и открывает мне пассажирскую дверь. Подъезжаем к конторе на выезде и водила сигналист. Вышел из здания удивленный Михалыч с какой-то женщиной. Женщина грозит пальцем водителю и чего-то кричит ему. Михалыч садится в автобус, и мы едем за ребятами.

– Как тебе удалось договориться? – спрашивает вполголоса.

– Путевку выписал, – улыбаюсь в ответ.

– Ну, Соловей, ты даешь! – в замешательстве качает головой.

У Михалыча есть привычка называть приближенных ему пацанов и девчонок по их школьным прозвищам. Сиголаева, как и мы зовет – Сига, Чапеля – Чапой, Оськину – Осой. Теперь, вот и меня обозвал, приблизив.

При повороте автобуса с трассы на дорогу к Посекам без остановки Михалыч снова в изумлении качает головой, глядя на меня.

Выгрузились возле разрушающегося, величественного в прошлом собора и сфотографировались на его фоне.

В моем первом варианте похода мы доехали на ПАЗике только до поворота, а по дороге к Посекам остановили рейсовый автобус, успев пройти несколько километров.

По народному преданию, вроде научно не подтвержденному, во времена татарского нашествия в этих местах агрессорами был достигнут и разбит крупный отряд русских воинов. Отсюда и название этого села.

Михалыч на схеме показал нам приблизительное место нашей новой стоянки на другой стороне реки и пообещал приплыть к нам на лодке. Забрав с собой крепкого Юрку Сиголаева, ушел за лодкой, а мы отправились к деревянному мосту через реку. Пройдя с километр выбрали на берегу подходящее место и стали разбивать лагерь. У всех было прекрасное настроение из-за легкости этого этапа. Вскоре показалась лодка с Юркой, сидящим за веслами и Михалычем, забрасывающим спиннинг. Река в этом месте была шириной метров триста. Причалив, Михалыч похвастался двумя щуками. Пообедав, он с уже двумя Юрками – Сиголаевым и Синельниковым снова отправился на лодке за рыбацким счастьем, а нам наказал заняться Походным журналом и репетицией. Все дружно покивали и разошлись, кто купаться, кто полез спать в палатку, а кто улегся загорать, стоило лодке скрыться.

Выбрав момент, предложил Татьяне уединиться. Она уже давно в походе смущала меня своей попкой и красивыми ножками, плотно обтянутыми спортивными трико. Одноклассница согласно кивнула, поглядев в Сашкину сторону. Тот валялся на солнцепеке в трусах и, кажется дремал. Предложил бодрствующим прогуляться по окрестностям, ни к кому конкретно не обращаясь. Как и ожидалось, всем было лень.

Отойдя метров на сто, встал за дерево и принялся наблюдать за лагерем. Минут через двадцать появилась Татьяна. Тихонько свистнул, привлекая ее внимание. Встретившись за кустами, кинулись к друг другу и начали жадно целоваться. Отошли в сторону еще метров на двести, подальше от лагеря. На опушке, на краю колхозного поля нашли подходящую сухую промоину и в нетерпении стали снимать штаны. Я управился быстрее и потянул Таньку за собой, укладываясь на траву.

Класс! Оторвались по полной. «Похоже, мы стали привыкать друг к другу. Сегодня мы испытали более сильные эмоции, чем раньше», – мысленно отмечаю, расслабленно поглаживая Таню по попке и спинке.

Она лежит на мне. Трава у нее «коляется». Так и сообщила – «коляется», попробовав лечь рядом. Посмеялись удовлетворенные.

– Ты знал, что тот переход на второй день будет таким трудным? – спрашивает, лежа на меня и заглядывая в глаза.

– Нет, только предполагал. Я в тех местах чернику собирал, – сообщаю, не уточнив, что это будет в следующем веке.

– А-а! А я думала..., – разочарованно тянет. – А меня Сережка Анненков в кино приглашал. Надька Федорычева стала возле Конкина виться и глазки строить, – восторженно сообщила, вывалила последние новости.

– А ты? – лениво интересуюсь.

– Мне с тобой хорошо, – сообщила и как кошка потерлась щекой о мой подбородок.

– Мр-р, – мурлычу. – Надо идти, – с сожалением напоминаю. – Нас могут спохватиться, начнут подозревать и подглядывать, – объясняю.

Кивает понимающе. Одевшись, расходимся в разных направлениях.

В лагере Ленка все-таки заставила ребят заняться репетицией, хотя никто не горел энтузиазмом. Актеры невыразительно бубнили реплики, а Ленка устала подбадривать всех.

– Сережа, хоть ты скажи им, – обратилась она ко мне, не выдержав.

Я задумался: «Тут ничего не сделать. Никому сценарий не нравится. Радостно, с огоньком играть никого не заставить. Может придумать другое, более смешное?» Вспоминаю, что у Уральских пельменей было что-то подходящее.

Вижу, что все в ожидании смотрят на меня и повторяю, вслух:

– Тут ничего не сделать. Никому сценарий не нравится. Радостно, с огоньком играть никого не заставить. Надо подбирать, что-то другое, более смешное. У меня есть идея, но нужна тетрадь, ручка и пару часов не кантовать!

Лежу, грызу ручку и вспоминаю сценку из Уральских пельменей:

«В походе бесконечно можно смотреть на огонь, на воду и на то, как девчонки ставят палатку». Постепенно сценарий стал складываться. Конечно, дословно и все моменты вспомнить не смог, но основную идею и многие диалоги, пусть не дословно, но вспомнил и записал. В нашем представлении будут принимать участие все наши девчонки и пять ребят, так как у нас только четырехместные палатки и двухместная Михалыча.

Перечитал в очередной раз. Дописал, поправил некоторые смешные диалоги и позвал всех. Махнул рукой, чтобы садились. Дождавшись тишины, зачитываю наброски сценария. Из-за смеха ребят еле дочитал до конца.

– После сценки всей командой выходим вперед и, обнявшись за плечи, поем песню, покачиваясь. Песню спою вечером – завершаю.

Жду, пока улягутся эмоции. Все что-то разом говорят и смеются. Наконец затихают, заметив мое молчание.

– Сценка подходит? – поинтересовался.

Большинство восторженно соглашаются.

– Тогда надо распределить роли – «симпатяшки», «бой-бабы» и ее избранника, – предлагаю.

С трудом, но распределили. Таньку выбрали на роль симпатяшки, Толя Чапель стал объектом вожделения бой-бабы, а Маринка сама выбрала роль бой-бабы, при активном согласии присутствующих – она такая и по жизни.

– Сценарий сырой, поэтому шевелите мозгами и предлагайте диалоги и варианты действий участников, – советую.

Записали все диалоги и монологи участников. Начали репетировать. Вначале было много бестолковости, смеха, споров, но потом все вошло в нормальную колею. Много раз пришлось вмешиваться, чтобы разъяснить или показать отдельные моменты, изобразить интонации, сделать замечания и дополнения, так как попутно вспомнил еще кое-что. Некоторые моменты сценки прогоняли по несколько раз. Репетировали с удовольствием.

Михалыч возвратился с ребятами с богатым уловом. Две щуки из десятка были с руку. Толик запечатлел рыбаков с уловом для потомства. Показали сценку им, развеселив.

Вечером пел под дрянную Кузину гитару. Начал с «Милой моей» Визбора, объявив ее нашей отрядной песней:

*Всем нашим встречаем
Разлуки, увы, суждены,
Тих и печален ручей у янтарной сосны.
Пеплом несмелым
Подёрнулись угли костра.
Вот и окончилось всё,
Расставаться пора.*

*Милая моя,
Солнышко лесное,
Где, в каких краях
Встретишься со мною...*

– Хорошо, что у нас Соловьев есть, – задумчиво произнесла Маринка.

Продолжил «Вечером» Ады Якушевой:

*Вечер бродит по лесным дорожкам,
Ты, ведь тоже любишь вечера,
Подожди пока еще немножко,
Посидим с товарищами у костра...*

Передаю гитару Михалычу. Тот поет нам: «Возле города Пекина, ходят, бродят хунвейбины...». Продолжил: «А все кончается, кончается, кончается...». Закончил «Фантомом»:

*Я снова по чужой земле иду
Гермошлем застегнут на ходу
Мой «Фантом», как ястреб быстрый
В небе голубом и чистом
С ревом набирает высоту...*

Передавая гитару мне, всем он пояснил:
– Эти песни мы в институте пели.
Я спел из Митяева:

*Изгиб гитары жёлтый ты обнимаешь нежно,
Струна осколком эха пронзит тугую высь.
Качнётся купол неба, большой и звёздно-снежный...
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!..*

Продолжил «Свечами» Шафутинского:

*Осенней ночью за окном
Туман поспорил с дождем,
И беспробудный вечер,
И беспробудный вечер.
О чем-то дальнем, неземном,
О чем-то близком и родном,
Сгорая, плачут свечи...*

Эту песню знали многие и девчонки пели вместе со мной.

Продолжаю «Вальсом в ритме дождя». С начальных аккордов Маринка Любимова подхватывает песню и поем вместе с ней:

*Солнца не будет, жди – не жди,
Третью неделю льют дожди.
Третью неделю наш маршрут
С ясной погодой врозь.
Словно из мелких-мелких сит
Третью неделю моросит.
Чтоб не погас у нас костер,
Веток подбрось.*

В мокрых палатках спят друзья,

*Только дежурным спать нельзя,
Сосны качаются в ночи
Словно орган гудят.
А у костра не сесть, не лечь,
Как не устанет дождик течь.
Слушай, давай станцуем вальс
В ритме дождя...*
Наум Басовский или Наум Лисица

– Не накаркать бы, – комментирую по окончании, намекая на хорошую погоду и передаю гитару Михалычу.

Тот, наверное, готовился, вспоминая подходящие песни. Спел, профессионально модулируя голосом «Друзья уходят» и продолжил визборовской «Ты у меня одна», а закончил «Городком»:

*Целый день стирает прачка,
Муж пошел за водкой.
На крыльце сидит собачка
С маленькой бородкой...*

Снова гитара у меня. Пою «Дым костра создает уют», только подставляю «семь» вместо «пяти» в каноническом тексте, намекая о количестве присутствующих пацанов.

*Дым костра создаёт уют...
Искры гаснут в полёте сами.
Семь ребят о любви поют
Чуть охрипшими голосами...*

Маринка тоже знает эту песню и опять мне подпевает. Запеваю «Кораблик»:

*Кораблик детства уплывает в детство,
Белые большие трубы скошены назад.
Дайте наглядеться, на прощанье наглядеться,
Дайте мне послушаться, как они гудят...*
Ю. Устинов

Потом запел «Зонтики», пытаясь развлечь задумавшихся ребят:

*Город этот выдумал один художник
Люди в нем не знали, что такое дождик.
Просто вот не знали, что такое дождик
Вот какие люди жили в городе том.
Город этот выдумал один художник
Люди в нем не знали, что такое дождик.
Лишь один чудак в белый плащ одетый,
Продавал там зонтики зимой и летом,*

Господа – купите зонтик,

*Белый зонтик, красный зонтик,
Синий зонтик, желтый зонтик,
Может пригодится в жизни вам...
*Кузнецова О., Суворов А.**

Однако сделал только хуже. Неожиданно Танька всхлипнула и убежала в темноту. Несколько девчонок поспешили за ней. В растерянности все молчали.

«Чего это ее расстроило? – задался вопросом. – Может наши песни напомнили ей о чем-то личном?»

Я встал и подкинул дров в костер, косясь в сторону, куда ушли девчонки. Сноп искр взметнулся в ночное небо.

– Завтра рано вставать, – напомнил Михалыч, глядя на огонь.

Девчонки так к костру и не вернулись и постепенно все разошлись по палаткам, оставив дежурного у костра.

В палатке Саня Дорохов поинтересовался:

– Откуда ты столько песен знаешь? Я многие не слышал никогда.

– Неужели придумал сам? – поддержал его расспросы Серега.

– Слышал в поселке или в пионерлагерях, – нашелся.

«Что я могу сказать? То, что большинство этих песен сам впервые услышу через месяц в комсомольском лагере и буду с ребятами их там петь?» – задумываюсь с иронией о временном парадоксе.

Утром поднялись рано. Чтобы не тащиться пешком лишние километры, мы хотели успеть на первый рейсовый автобус. Доехали до шоссе и выгрузились, пересекли и отправились по проселочной дороге на северо-запад, оставляя город справа. Волоча протекала через него и после поворачивала на запад. Через пятнадцать-семнадцать километров мы должны были выйти на ее берег. Весь этот этап пролегал по проселочным дорогам.

Как же было нудно тащиться на солнцепеке. Одно время шел за Танькой и любовался круглой подвижной попкой и сексуальными движениями бедер, вспоминая их обнаженными. Потом просто шел и вспоминал походные и туристические песни. Некоторые мычал под нос. Редкие грузовики, проносясь мимо обдавали нас клубами пыли. Ловить попутку смысла не было, так как мы иногда сворачивали на другие дороги, придерживаясь нашего северо-западного направления. Пересекли железную дорогу и к четырем часам дня прибыли на место.

Пятая точка нашего похода располагалась возле деревни Городище. По народным преданиям и некоторым историческим данным Городище когда-то являлось административным центром обширных Волокских земель, когда еще нашего города не было. Сейчас – это обычная деревня. На пригорке одиноко возвышалась заброшенная разрушающаяся каменная церковь.

Сбросив опостылевшие мешки, кинулись купаться и стираться, чтобы избавиться от пыли. Потом пошли исследовать окрестности и фотографироваться возле местных достопримечательностей. Возле Городищ возвышалось несколько курганов на берегу реки. Конкин с Дороховым поинтересовались у Михалыча их происхождением. Тот отговорился тем, что не местный и учился в университете не на историческом факультете.

«Забыл по лбу постучать для наглядности», – мысленно иронизирую.

Из будущего немного помню про эти места, богатые историческими находками. Где-то поблизости были обнаружены стоянки первобытных людей. Когда-то на месте деревни стояла славянская крепость с валом и частоколом. Курганы по некоторым историческим данным были варяжского происхождения. Их уже пытались исследовать до и после революции, но ничего в них не обнаружили. Возле церкви мы нашли человеческий череп. Иванайнен загорелся забрать его с собой. Девчонки дружно возмутились, а Михалыч посоветовал закопать его.

– Негоже глумиться над человеческими останками, – согласились дружно.

Михалыч опять отправился на рыбалку на вечернюю зорьку, а мы, оборудовав бивак, снова репетировали сценку уже с заключительной песней.

Вечером у костра опять пел ребятам. Исполнил из не спетых еще «Ты да я, да мы с тобой»:

*Ты, да я, да мы с тобой!
Ты, да я, да мы с тобой!
Здорово, когда на свете есть друзья.
Если б жили все в одиночку,
То уже давно на кусочки
Развалилась бы, наверное, земля...
*Пляцковский М., Иванов В.**

*Человек человеку – друг? Друг!
Человек человеку – брат? Брат!
Ну а как же так вышло – да просто так –
Что попал человек впросак?*

*Мы ругаемся часто – зря? Зря!
Мы влюбляемся часто – да? Да!
Но должны мы однажды просто так
Помогать человеку за так? ...
*Орешок В., Брызгалова Н.**

«Мы с тобой давно уже не те...» Аделунга Ю.

*Мы с тобой давно уже не те,
Мы не живем делами грешными.
Спим в тепле, не верим темноте,
А ипаги на стену повешены.
В нашей ихуне сделали кафе,
На тумбу пушку исковеркали,
Истрачен порох фейерверками,
На катафалк пошел лафет.*

*Мы с тобой давно уже не те,
И нас опасности не балуют.
Кэп попал в какой-то комитет,
А боцман служит вышибалою.
Нас уже не радует роса,
На парусах уж не разляжешься:
Пустил артельщик разгулявшийся
На транспаранты паруса.*

Конечно, я не стал исполнять антисоветчину, как было в оригинальном тексте песни: «... Кэп попал в Центральный комитет...», и спел последнюю из новых песен:

*Как птенцы из гнезда мы выпали,
Ты не бойся прихода вечера.
Под такими большими липами*

Нам с тобой опасаться нечего.

Под такими густыми звёздами -

Разве их не для нас рассыпали?

Мы не против гнездовья, просто мы

Из него ненароком выпали.

Ваксман Л., Воронков В.

Маринка Любимова не выдержала и предложила свою песенку послушать. Спела «Мой Сереженька». Как смог подыграл ей. Посыпались шуточки в наш адрес.

«Может, не случайны в десятом классе у меня с Маринкой будут игры в школьном коридоре с элементами эротики и ей действительно нравилось, когда я как бы невзначай мял ее груди?» – задумался.

Рано утром выдвинулись к центральному селу этой местности. Еще вечером решили, что хватит бить ноги по проселочным дорогам. «Вот так и прививается рационализм», – отмечаю.

Там сели на проходящий рейсовый автобус, который шел в предпоследний пункт нашего маршрута – село Язы. Это место несколько веков славилось рыбным промыслом. В районе села в Волочу впадали еще две речки. Эта местность в народе так и называлась – Трехречье. С древности местные жители здесь занимались рыбной ловлей, используя, так называемые Езы. Колья, вбитые в речное дно, препятствовали свободному проходу рыбы по руслу реки. Оставлялся узкий проход, позволяющий рыбакам вычерпывать рыбу сетями. Многие поколения местных жителей занимались здесь рыбным промыслом. Раньше село было очень богатым. Об этом свидетельствовала большая пятиглавая церковь с колокольней, заброшенная в настоящее время. Пофоткались и полюбовались сохранившимися фресками. Поднялись по кирпичной лестнице наверх и обозрели окрестности.

Вспомнил и рассказал ребятам курьезную местную историю. В соседней деревне жил один пьяница. Он приучил свою собаку бегать ему за водкой в магазин соседнего села. Прикол был в том, что село с магазином находилось за рекой. Пьяница надевал на собаку специальную упряжь, давал в пасть пакет с деньгами и отправлял за водкой. Собачка переплывала реку, приходила в магазин и садилась перед прилавком. В округе все друг друга знали. Знали и собачку. Продащица забирала деньги, крепила бутылку к упряжи, и собака возвращалась похмелять хозяина.

Михалыч отправился в рыболовецкую бригаду и снова взял меня с собой. Там мы договорились за семь рублей (по бутылке за лодку), чтобы нас завтра перевезли по реке на двух моторках к последнему пункту нашего маршрута деревне Стрижево. Мужики за дополнительную бутылку предложили нам целый мешок сорной рыбы. Отказались. У меня рыба уже в рот не лезла ни в каком виде, а до дома свежую рыбу не довезти. Девчонки тоже уже стонали от ежедневной чистки рыбы Михалыча.

Стрижево – последний населенный пункт на берегу Волочи на территории нашего района тоже славилось хорошей рыбалкой среди городских рыбаков.

Переночевав у реки возле Стрижево вернулись домой на рейсовом автобусе по другому шоссе с другой стороны города. Михалыч все-таки вручил мне шуку из последнего улова.

Нам давалось два дня на отдых и окончательное оформление Походного дневника. Бабушка дома сообщила, что меня чуть ли не каждый день спрашивали ребята. «Что могло случиться? Кто меня искал? Мои друзья знают, что я в поход на неделю ушел. Никого сейчас не найти. Кто будет летом сидеть дома? Экзамены у восьмиклассников скорее всего сданы и сейчас все зависят на речке или еще где», – размышляю.

«Может меня Рыга искал?» – продолжаю гадать. Дождусь вечера и все узнаю. Сегодня надо бы в баню сходить и вечером матери отдать походную одежду в стирку. Завтра в школу, а послезавтра выезжаем на туристический слет.

Вечером меня все-таки разыскали. Мной интересовался действительно Рыга, присылая чуть ли не каждый день своих пацанов. Позднее тот нарисовался сам.

«Как, не вовремя!» – морщусь. У меня в это время в сарае находился Ухналь от деревенских ребят с «посылками». «Придется место сбора икон срочно менять. Пожалуй, у Филя хранить надежнее, а Ухналя надо знакомить со Стасом», – планирую.

Выталкиваю Рыгу с порога сарая. Не хочу, чтобы он чего-то рассмотрел в глубине и увидел Юрку, хотя Юркин мотоцикл уже засек. Указываю Рыге на лавочку у барака:

– Подожди меня там, сейчас подойду.

Юрке сообщаю о намечающейся проблеме и предлагаю подождать несколько минут. Рыга просит уточнить, когда я смогу выполнить свое обещание, данное авторитетам. «Речь идет о песнях для братвы», – догадываюсь.

– В воскресенье, – объявляю, прикинув свою занятость на ближайшие дни.

«Надо завтра звонить Павлу, признаваться о песнях воровской тематики и готовить их для продажи. Все равно нам пора встречаться, чтобы передать ему деньги за проданные в Москве песни», – решаю.

Закончив с иконами, едем с Ухналем кататься по поселку и искать ребят. наших обнаружили в сквере. Увидев меня, ребята оживились. Конечно, присутствие Ухналя вызвало вопросы, так как все знали о моей драке с деревенскими. Отозвал Стаса в сторону и познакомил с Юркой. Отправил Ухналя вперед, объяснив, где нас ждать, а сами пошли пешком к дому Стаса.

По дороге объявил парню:

– Временно, из-за моей занятости ты будешь вместо меня заниматься сбором и торговлей иконами.

Разъяснил нюансы. Не сказал бы, что Стас обрадовался, но не отказался, зато я отказался от денег с этого момента. Он начал возражать.

– Мне хватит, – твердо заявил ему, – и это будет справедливо. Если снова подключусь к этому делу, тогда и будем делить на всех участников, – дополнил.

Показав сарай Стаса и, рассказав Ухналю как быть дальше попрощались с ним. Сходили к Филу и перетащили втроем весь товар от меня к нему. (Даже самовар). «Фу, гора с плеч, а то отец возмущается заваленным свертками гаражом», – облегченно вздыхаю.

Вернувшись к нашей компании, рассказал ребятам про поход и про несколько заброшенных деревень, которые видел на маршруте. Рекомендовал съездить, когда ягоды пойдут, а заодно родных побалуют черникой или брусникой.

На следующий день отправился в школу. Подсчитали оставшиеся продукты. На турслет хватит. Несколько человек остались оформлять Походный дневник, а я и остальные разошлись.

Позвонил Павлу. В канцелярии никого не было, и я говорил открыто. Решили, что в субботу или в воскресенье готовим нотную запись песен и записываем на кассеты. Все будет зависеть от времени моего возвращения с туристического слета.

Глава 6.

Июнь. Туристический слет.

В среду с утра выехали на проходящем через город пассажирском поезде с другими командами школ на туристический слет.

Встретил и поздоровался за руку с Лавром с Флоры и некоторыми знакомыми ребятами, в том числе с участниками той нашей драки.

Слет должен проходить в Фабричном районе области. Эта местность славилась целебным климатом из-за многочисленных сосновых лесов. Там же располагалось несколько пионерских лагерей, в том числе один от нашего завода.

Выгрузившись на вокзале поселка городского типа Фабричный, отправились пешком в сторону нашего заводского пионерлагеря. В этом пионерском лагере я был три раза в период своей пионерской юности и неоднократно уже ходил по этому маршруту. Однако пройдя через пустой лагерь (междусменка), двинулись дальше по берегу нашей реки Волочи.

Вспомнились мои влюбленности в девочек в период лагерных смен. Какие тогда страсти разгорались в душах двенадцатилетних-тринадцатилетних подростков! И не только у меня. Сколько слез пролили девчонки из-за безответной любви! Вспомнились мои драки с ребятами из других школ, лагерные мероприятия и как научился танцевать «шейк» под старую радиолу. Как стеснялся впервые пригласить девочку на медленный танец. Тогда на себе почувствовал, как это, когда «ноги не идут».

Команды остановились, пройдя несколько километров на высоком берегу, где Волоча огибала возвышенность, делая большую петлю. Узнал это место, так как мы сюда ходили в поход в старшем отряде пионерского лагеря. «Вот беззаботное времечко было!» – взгрустнулось.

Руководители собрались на короткое совещание. Вернувшись, Михалыч показал место нашего бивака. Предупредил, что туалет оборудовать в низине за нашими палатками обязательно, так как судьи будут проверять наше обустройство и соблюдение санитарных норм. Напомнил, что обед будут оценивать из трех блюд. Разделившись, принялись за работу. Приходилось торопиться, так как через полтора часа планировалось торжественное открытие туристического слета.

Перед построением оценил продуманность расположения общего лагеря. Палатки располагались дугой на опушке соснового бора.

Торжественное открытие слета проходило на открытом месте. Перед нами выступил какой-то мужчина в спортивном костюме. Гладко говорил о важности спорта в жизни молодежи в целом и туризма в частности. В конце торжественно объявил об открытии Туристического слета и передал слово женщине. Она сообщила о распорядке дня и расписании соревнований на период слета. Сегодня нас ждали конкурсы на лучшие обед, Походный дневник и обустройство стоянки команды, а после ужина будет организован общий костер.

С нетерпением с ребятами дождались пока трое судей снимут пробу и оценят содержимое котлов. Похоже съедобно – девчонки расстарались. Жрать хотелось по-взрослому и стоило судьям отойти к соседнему костру как мы столпились около котлов. Набив желудок, забрался с ребятами в палатку. Послеобеденный отдых – это святое!

Через некоторое время нас с трудом выгнали из палатки. Необходимо было идти собирать сухостой для общего костра.

После ужина все команды собрались вокруг общего костра. Женщина от администрации Слета вышла и, поглядывая на парня, поджигающего костер, выступила:

– Пусть этот костер станет для нас всех символом нашего туристического братства, дружбы и взаимовыручки. Предлагаю организовать неофициальный конкурс между командами в исполнении походных и туристических песен по очереди. Петь и подсказывать могут все. Начнем по порядку номеров школ.

В командах заметил несколько гитар. Мне тоже рекомендовали накануне захватить гитару. Девчонка из первой школы начала петь НАШУ песню «Милая моя». Песню подхватили несколько девчоночьих голосов. Когда дошла очередь до нас запел «Ребята надо верить в чудеса». Удивился, что меня тоже поддержали. Так и пели по очереди, пока песни походной тематики не стали заканчиваться. Стали попадаться дворовые. Даже «блатняк» кто-то попытался втиснуть в репертуар. Вмешалась администрация в лице той же женщины. «А у меня еще есть походные песни в запасе», – с удовлетворением отметил про себя. Когда спел подряд две песни, так как не оказалось конкурентов, демонстративно отложил гитару.

– Сережа, спой еще, – попросили наши девчонки.

– Спой еще, – послышались голоса от других отрядов.

– Пусть лучше станцует, – всех перекрыл мужской голос из толпы.

Вглядываюсь в толпу, пытаюсь высмотреть «шутника». «Бесполезно», – понимаю. Костер освещает только первый ряд, состоящий, как правило, из девчонок. Остальные скрываются в темноте.

«Похоже, кто-то принес с собой спиртное и усугубил, а сейчас потянуло на подвиги и нарывається. Не буду сейчас устраивать разборок на глазах у всех», – принимаю решение, слыша, как поднимается шум возмущения.

Снова беру гитару и сообщаю:

– Я знаю еще несколько туристических и походных песен, но предлагаю их оставить на другие наши вечера, а сейчас спою по многочисленным просьбам песни другой тематики, если, конечно, руководство не будет против, – вглядываюсь в группу взрослых.

– Да, да, давай, – послышались голоса.

– Руководство не против, – услышал.

Пою «Коня», «Седую ночь», «Таня» и «Кукушку» Цоя.

Песен, еще не написанных сколько

Скажи кукушка, пропой

В городе мне жить или на выселках

Камнем лежать или гореть звездой, звездой

Солнце мое взгляни на меня

Моя ладонь превратилась в кулак

И если есть порох дай огня вот так ...

– Может еще, кто хочет спеть? – спрашиваю окружающих.

Обращаю внимание, что основная масса народа сместилась к месту нашей команды. Кого-то начинают уговаривать.

– Сереженька, продолжай ты, – предлагает женский голос.

Вокруг засмеялись и посыпались шутки. Делать нечего, пою: «Ребята с нашего двора» и «Белые розы»:

Немного теплее за стеклом,

Но в злые морозы

Вхожу в эти двери, словно в сад

Июльских цветов,

Я их так хочу согреть теплом,

*Но белые розы
У всех на глазах я целовать
И гладить готов.*

*Белые розы, белые розы,
Беззащитны шипы,
Что с вами сделали снег и морозы,
Лёд витрин голубых.
Люди украсят вами свой праздник
Лишь на несколько дней
И оставляют вас умирать
На белом холодном окне...*

Откладываю гитару и предлагаю:

– А теперь я могу станцевать. Где там любитель танцев? Покажись!

Какая-то заминка в том месте откуда мне кричали.

– Он больше не будет, – отвечает другой мужской голос.

Когда расходились после костра ко мне подошла девчонка из другой команды, знакомая по пионерскому лагерю.

– С тобой хочет познакомиться одна девочка, – озадачивает.

– Давай как-нибудь в другой раз, – предлагаю.

«А что мне еще ответить?» – мысленно раздражаюсь.

Тут и Танька под боком нарисовалась. Незаметно от всех переместились в темноту, обошли палатки и углубились в лес. Только начали целоваться, как рядом послышались голоса.

– Никакой личной жизни, – заявляю со смехом. – Тут, чтобы уединиться надо километр по ночному лесу пройти и то, может мало оказаться, – слышу треск сучьев, с другой стороны.

Со смехом вернулись к нашим палаткам.

Перед сном с ребятами втихаря высосали одну банку кофе со сгущенным молоком, сделав две дырки. «Зря что-ли неделю таскаем за плечами!» – решили вместе.

«Вкусно! Никогда такого не пробовал раньше», – мысленно отмечаю, да и в будущем не помню.

На следующий день после завтрака проводились соревнования по спортивному ориентированию. От команды должны бежать по четыре человека. Михалыч по каким-то своим критериям отобрал меня с Конкиным, Маринку Любимову и Ленку Захарченко. Перед стартом напомнили правила. Ничего нового, обычное движение по азимуту. Сколько я километров отмахал в училище на военной топографии? Потом в армии сам учил своих разведчиков ориентированию.

Получили номера, картонки со схемой и компасом в белым пластмассовом корпусе. «На схеме даже ориентиры возле контрольных точек нарисованы. Упростили для школьников!» – догадываюсь.

Разбежались после старта по своим маршрутам. Первую и вторую контрольные точки прошел легко, а вот с третьей возникли проблемы. Место, где она находилась было в смешанном лесу. Видимость – менее тридцати метров. Стою, недоумеваю: «Где-то здесь должна быть контрольная точка. Я не мог ошибиться!»

Прислушался. Где-то недалеко разговаривают. Бросился в ту сторону и в пятидесяти метрах обнаружил судью-контролера. Отметив время, бегу дальше. Замечаю, что за мной держится какая-то девчонка. Видимо бегают хорошо, а ориентируется неважно. Четвертая точка находилась в нескольких сотнях метров от пионерского лагеря. Так и финишируем с девчонкой.

«Интересно, она все точки прошла?» – задумываюсь. То, что ее не волновал порядок прохождения контрольных точек, понял давно.

На финише беснуется толпа болельщиков. Ребята поздравляют меня. Из нашей команды я финишировал первым. Сам удивился, что пробежал по пересеченной местности около семи километров и не устал.

Какая-то девчонка сунула букетик цветов. Чуть не выкинул. Смотрю на цветы и не пойму: «Зачем они?». Только спустя некоторое время сообразил: «Мне оказали знак внимания, а я даже лицо девчонки не запомнил!»

От наших узнал, что пока мы бездельничали, бегая по лесу, нашу стоянку проверили на санитарию и гигиену, а Ленка накладывала шину Саньке Дорохову. Ему так понравилось, что не хотел снимать. Еще требовал от санинструктора искусственного дыхания рот-в рот. Так и не узнали, какие результаты у нас по всем проведенным конкурсам. Судьи шифруются? «Вероятно, сообщат при подведении итогов в последний день соревнований. Буду надеяться, что коррупции сейчас нет и судьи не ждут, кто даст не лапу больше», – иронизирую про себя.

Уже после слета мне сообщили, что возле палаток судей был щит с результатами всех конкурсов. Не знал, да и не интересовался.

После обеда на месте общего собрания по командам рассказывали о своих походах, как правило, зачитывая Походные дневники. Только у нас был поход по историческим местам. (Или по рыбным?) У других команд были походы по усадьбам, деревням и селам, где родились исторические деятели или знаменитости, по местам воинских захоронений и памятникам, посвященным героям Великой Отечественной войны, а при необходимости приводили их в порядок. Других не запомнил. После рассказа играли сценки из походной жизни. Запомнилась только команда, которая полола и подметала возле памятников.

Они выстроились в ряд и начали:

– Этими руками (все поднимают вверх руки) приведено в порядок ... могил и памятников! Этими ногами (наклоняются и хлопают по ногам) пройдено ... километров! ...

«Что-то в этом есть!» – мысленно отмечаю. Похлопал с удовольствием. Наконец подошла наша очередь.

Неизменная наша ведущая Ленка Малкова предложила всем развернуться к палаткам и подойти ближе. Маринка, своим громким голосом с выражением прочитала заметки о нашем походе из Походного дневника.

– Не понял! Почему рыболовные достижения Михалыча не отмечены? Чем же мы давились весь поход? – вполголоса интересуюсь у ребят, вызывая ухмылки.

Идем к своим палаткам и начинаем играть сценку. Сбоку выходит неизменная ведущая концертов Ленка и начинает:

– В походе бесконечно можно смотреть на воду, на огонь и на то, как девочки ставят палатку! (Среди слушателей смех).

– Первая ночь в походе! – объявляет она.

Ржали все, актеры, зрители и судьи. Конечно, у нас получилось не так гладко, как у Уральских пельменей. Трудно проговаривать монолог, когда душит смех, но для нынешней незыскательной публики и этого хватило. После завершения мы все вышли и запели «Солнышко лесное» Визбора, обняв друг друга за плечи и покачиваясь. Только я стоял на фланге и держался за гитару. (И меня не обнимали).

Зрители были покорены. Кричали и хлопали от души. Когда Ленка объявила меня сценаристом, овации возобновились. Все были уверены, что у нас в этом конкурсе будет первое место, только у судей было другое мнение. Первое место присудили команде, которая обходила «этими ногами» памятники и могилы Героев Советского Союза.

Вечером опять пел у общего костра. После ко мне подошла загадочная Ленка Малкова и потащила в сторону:

– Пойдем, там ждут тебя! – интригуяще улыбается и подводит меня к группе девчонок.
– Вот познакомься. Это Оля, – показывает на черноволосую остроносенькую девчонку, – это Сережа, – представляет и подталкивает за предплечье меня. – Я пошла, – объявляет и уходит, ехидно оглядываясь на нас.

С негодованием смотрю ей вслед: «Вот Ленка, зараза! Подставила! Кто ее просил? А-а! Понимаю, вон подружки девочки отошли недалеко. Сплошные УШИ и ГЛАЗА. Не хотят пропустить ни одного нашего с девочкой движения, слова и даже вздоха. Что же делать?»

Смотрю на девчонку, опустившую голову. «Похоже, она сама не знает, что делать дальше?» – предполагаю.

– Пойдем, пройдемся, – предлагаю ей, мотнув головой в сторону реки.

Девочка молча кивает. Идем к реке. Предполагаю, что за спиной зрители разочарованы. Искоса пытаюсь рассмотреть, что за «чудо» мне досталось, но разве в темноте разглядишь чего? Ниже меня на полголовы. Не длинноносая, как показалось вначале. Обычная девчонка. Куртка на груди топорщится. Нахожу бревно и предлагаю ей присесть. Сидим, молчим.

– Никогда еще так не знакомился, – признаюсь, начиная разговор первым.

– Ты не подумай, чего и не обижайся на вашу девушку.... Это наши девчонки ее попросили, – заговорила она, наконец. – Ты мне давно нравился.... Еще с пионерского лагеря.... Только я не знала, как к тебе подойти, – признается с трудом.

«Вот это да! А я и не помню ее в пионерском лагере», – мысленно оху...ваю и снова пытаюсь рассмотреть ее. «Нет. Не помню», – признаю мысленно. «О чем мне с ней разговаривать? Может спросить, как школу закончила?» – иронизирую про себя.

– Я не помню тебя в лагере, – признаюсь, лишь бы не молчать.

– Я знаю. Ты тогда дружил с другими девочками, – объяснила она.

«Чего это она меня каким-то ловеласом выставляет? В последнюю смену я только с двумя девочками «дружил» и то по очереди, а в предпоследнюю – с одной», – мысленно возмущаюсь.

– Чего же ты не подошла на танцах? В ГАРО ходишь? – интересуюсь.

«Там хоть светлее, чем здесь. Рассмотреть тебя можно было бы», – добавляю мысленно.

– Стеснялась, – признается еле слышно. – Ты всегда в окружении таких ребят..., – добавляет непонятно.

– Каких таких? – спрашиваю улыбаясь.

– Грубых..., агрессивных, – подбирает слова.

«Вот, это да!» – удивляюсь и пытаюсь представить, как наша компания может выглядеть со стороны. Не могу найти отличий от других подростковых компаний на танцах. «Даже пьяных среди нас не бывает, как правило», – признаю про себя.

– Ребята, как ребята. Лучше, чем многие, – опровергаю.

– А ты, правда, дрался с нашими? – вдруг интересуется. – Девчонки от ребят слышали.

– Когда? С какими вашими? Ты в какой школе учишься? – озадачился.

– В третьей. В апреле у клуба, – уточняет.

Я пытаюсь понять, при чем здесь третья школа и драка с флоровскими. Это разные районы.

– Я на Флоре живу, – подсказывает.

– Понятно теперь. Было дело, – признаюсь.

– Я слышала, что ты танцы придумал для ваших девочек из школы. «Домино», такой забавный танец! Наши девчонки говорили, что и для вашего танцевального ансамбля тоже ты придумал. Правда? – спрашивает, заглядывая в лицо.

Смущаюсь почему-то.

– Вот так приходит слава, – замечаю в который раз. – У меня есть и другие недостатки, – пытаюсь отшутиться. – Преувеличивают твои девчонки. Я придумал только идею

танца «Домино», а все остальное девчонки сами поставили. К другим танцам я отношения не имею. Их уже давно танцуют, – привычно отказываюсь.

– А песни, которые ты пел вчера и сегодня, ты придумал? – обличает.

– Некоторые я, – признаюсь, – «что-то вечер перестает быть томным», – мысленно вспоминаю чью-то реплику.

– Пойдем? – предлагаю. – Теперь будем знакомы. Я тебя на танцах буду замечать, – обещаю. – И ты не стесняйся подходить.

При подходе к палаткам осторожно жму мягкую ладошку.

Стоило мне приблизиться к нашим палаткам, как откуда-то выскочила Танька и, схватив за руку потащила в темноту. «Чего это с ней? Хватает и тащит на глазах у всех! С ума сошла?» – мысленно удивляюсь.

– Ты где был? Что это за девчонка? Что у тебя с ней? – со слезами в голосе начала меня упрекать.

– Успокойся. Девочка захотела познакомиться. Поговорили. Теперь будем знакомы, – спокойно объясняю. – А ты чего творишь? – теперь я обвиняю.

– Я места себе не нахожу. Гад ты, Соловьев! – заявляет, бьет кулачком мне по груди и начинает всхлипывать.

«Теперь разговоры пойдут о нас с Танькой», – мысленно сокрушаюсь. «Надо как-то выкручиваться», – задумываюсь.

– Успокойся, – прижимаю девчонку к себе и глажу по волосам.

Дожидаюсь пока она перестает вздрагивать.

– Если Санька начнет интересоваться твоим поведением, то скажешь ему, что тебя возмутили мои слова о тебе. Я ему сообщу так же. Договорились? – инструктирую Татьяну.

Она уже успокоилась и кивает. Возвращаемся и расходимся по своим палаткам. У костра вижу Конкина. «Не избежать разборок с ним», – предполагаю и лезу в палатку, втискиваясь между пацанов.

На следующий день бежим командой туристическую эстафету. На старте встречаюсь взглядом со вчерашней Ольгой и киваю ей. Она краснеет и радостно кивает в ответ. Окружающие ее девчонки начинают тут же ее теребить и о чем-то допытываться. Оцениваю ее на свету. На личико ничего, улыбка симпатичная. Фигура так себе. «Вон с той, ее подружкой, я бы замутил чего-нибудь», – мысленно выделяю стройную симпатичную девчонку рядом с новой знакомой. «Ну и сволочь же ты, Соловьев!» – упрекаю мысленно себя.

Перед стартом распределяем роли для выполнения этапов эстафеты. Мне поручается разжигать костер с одной спички. Вместо эстафетной палочки – рюкзак. Расходимся по этапам.

Стартуем вместе с флоровской школой. После установки палатки участники первого этапа подбегают ко мне и передают рюкзак. Бегу к месту костра с рюкзаком. Демонстративно собираю мелкие веточки, но в кармане припасена береста. (Еле нашел березу). Ребята из команды помогают. У нашего кострища на двух колышках натянута нитка в полуметре от земли. Поджег кору и веточки и стал подкладывать более крупные сучки.

– Сережка, смотри, как они делают! – восклицает Ленка.

Поворачиваю голову к соперникам и вижу, что парнишка поджег небольшую горсть сухих веточек и поднес ее к нитке. Судья не реагирует на явное нарушение правил. Тоже подношу горящие веточки к нитке. Соперники уже рванули дальше. Девчонки упрекают судью в неправильном судействе. Нитка опала перегорев. Стартую дальше и передаю рюкзак на следующем этапе. Перебегаем по лежащему на земле бревну. Затем Ленка бинтует Толику ногу – оказывает помощь раненому. Сига и Сашка Дорохов, как самые массивные укладывают Толика, на вид самого легкого на самодельные носилки, и все спешим к финишу. Естественно, прибежали вторыми из-за костра.

Пытаюсь успокоить расстроенных ребят при возвращении в лагерь.

– Не корову же проиграли.

«Сколько еще в жизни будет несправедливости», – мысленно добавляю.

После обеда строимся на подведение итогов и закрытие Туристического слета, где объявляют результаты. Мы третьи среди восьми команд.

– Главное не последние. К тому же мы в тройке призеров. Не самое худшее место, – комментирует Михалыч.

Я с ним согласен. После построения мне сообщают, что Сигу вызвал драться один на один какой-то пацан из другой школы.

– В чем хоть причина? – интересуюсь у ребят.

Никто не знает, и все пожимают плечами в недоумении. Я Юрку в драках не видел и не знаю, как он себя покажет.

Физически он крепок, высокого роста – около 180 сантиметров или больше. Серьезно спортом не занимался, хотя участвовал в сборной школы в соревнованиях по баскетболу, гандболу и волейболу. Вообще, Сига околоспортивный парень. Сам серьезно не занимается, но все про спорт знает. Постоянно читает «Советский спорт» и аргументированно спорит с другими ребятами на спортивные темы.

Из будущего знаю, что он из тех редких людей, которые практически не работали ни одного дня в жизни. Как ему это удалось, не знаю. Юрка женится на умной, но некрасивой девочке из нашей школы и вместе поступят в Московский автодорожный институт.

Однажды, на каникулах мы спонтанно встретились с одноклассниками и пошли в пивной бар. Сига (редкий случай) был с нами. Пока мы шарили копейки и рубли по карманам (какие деньги у студентов и курсанта?), он шикарным жестом кинул на стол пятьдесят рублей. Потом я узнал, что он стал «катать». Всегда он где-то числился, но зарабатывал игрой в карты, на бильярде, в шашки, в шахматы. Играл во что угодно, где можно играть на деньги. С женой развелся.

В начале девяностых годов я последний раз его видел «упакованным» на редкой тогда еще иномарке, но потом он покатился вниз. Начал пить. Никогда не куривший заболел какой-то легочной болезнью, продолжая все больше опускаться. Дошло до того, что знакомые при случайной встрече на улице переходили на другую сторону. Все знали, что Сига будет рассказывать сказки о себе и просить деньги. Не дожив до сорока лет, одноклассник упился дрянным спиртом и умер в каком-то «бомжатнике».

Сейчас среди наших пацанов Юрка спокойно шел на «стрелку». Волнения на его лице я не заметил и успокоился сам. Его противник оказался ниже Сиги на полголовы, моей комплекции и огненно рыжий. Ребят (зрителей) собралось довольно много и, наверняка, не только из двух школ. Сига с парнишкой вышли в образовавшийся круг и начали разговаривать о чем-то. Юрка поворачивается к нам:

– Он печатку снимать не хочет.

– Она не снимается, я ее переверну, – заверяет рыжий.

Понеслось. Юрка оказался резок в драке. Удары быстрые. Не дает противнику собраться. Бьет с двух рук и с разных углов. «Молодец. Не ожидал», – отмечаю.

Замечаю и недостатки – Юрка прет буром по прямой и практически не защищается, рассчитывая на свой рост, скорость и силу. «Какую бы я выбрал тактику на месте рыжего противника Сиги?» – задумался. Быстрее бы двигался, не ввязываясь бы в обмен ударами, так как Сига выше и его руки длиннее и начинал работать по нижнему и среднему уровню, а потом выходил на ближнюю дистанцию и бил бы в горло, по глазам, а в челюсть в последнюю очередь. Сига к тому же тяжелее, поэтому нельзя допустить перевести драку в партер – если он окажется сверху, будет трудно вывернуться из-под такого шкафа.

В азарте ребята вокруг кричат, подбадривая своих, но драка вскоре прекратилась, как и ожидалось. Сига забил противника. У того был полный рот крови и обширная ссадина на верхней скуле.

«Губы изнутри разбиты? Язык прикусил? Зубы выбиты?» – гадаю. «Ссадина – от встречи с сосной», – делаю вывод.

– Я тебя еще поймаю, – угрожает рыжий, сплевывая кровь и не унимаясь.

– Чего меня ловить? Вот он я, – улыбается Юрка, вновь поворачиваясь к противнику и приглашающе раскидывает руки.

Того уводят друзья, успокаивая. По дороге к палаткам спрашиваю у довольного Юрки:

– Из-за чего хоть драка была?

– Не поверишь. Сам не знаю. Не понравился я ему, – отвечает улыбаясь.

Вечером был последний прощальный костер. Снова я с гитарой и за всех присутствующих гитаристов отдуваюсь. Когда попросил гитару получше, то без промедлений мне передали нормальный инструмент. Спел несколько старых песен и пропел новые.

– Я написал пару песен для женщин и от лица женщины, а сейчас хочу, чтобы вы их услышали и оценили. Принимаю от восторженных девчонок благодарность поцелуями, – объявляю улыбаясь.

Пою «Маленькую страну» и «Шофер-дальнобойщик».

*Есть за горами, за лесами маленькая страна
Там звери с добрыми глазами,
Там жизнь любви полна,
Там чудо-озеро искрится, там зла и горя нет,
Там во дворце живёт жар-птица
И людям дарит свет.*

*Маленькая страна, маленькая страна
Кто мне расскажет, кто подскажет
Где она, где она...*

*Во тьме бегут фонари
Где же, на какой дороге мой милый друг
Он затерялся вдали
И мужские руки сильные держат руль*

*Включен приемник на любимой волне
И вместе с ритмом бьется сердце*

*Всю жизнь глядят в ночь усталые глаза
В пути шофер-дальнобойщик
Он знает лучше всех, он может рассказать
Что наша жизнь – шоссе, шоссе длиною в жизнь...*

Слышу только овации по окончании, а поцелуев не дождался. Продолжаю и исполняю «Романс» и «Половинку». Все хлопают, а какая-то девчонка, решившись, чмокнула меня в щеку, чем вызвала новый взрыв оваций. Приглядевшись, не замечаю среди подростков взрослых. «Вероятно, отмечают закрытие Слета в своем кругу и не чаем», – предполагаю про себя.

Пою «Старые друзья» и «Городские цветы».

*В городах, где зимою не видно зари,
Где за крышами спрятана даль,
По весне, словно добрые духи земли,
Прорастают цветы сквозь асфальт.
От того ль, что загадка какая-то есть
На земле, у любой красоты,
От того ль, что родился и вырос я здесь,
Я люблю городские цветы.*

*Городские цветы, городские цветы,
Вот опять я кричу вам сквозь грохот и дым.
Городские цветы, городские цветы,
Навсегда завладели вы сердцем моим...*
Дунаевский М., Дербенев Л.

Завершаю свой концерт своей любимой песней «Так хочется жить».

Когда отдал гитару и собирался идти к палаткам, меня остановила какая-то девчонка, обратившись:

– Можно тебя на минутку?

Рассматриваю ее. Симпатичная, в лице что-то восточное. Фигурка стройная, спортивная. С меня ростом. «Почему я раньше ее не замечал?» – мысленно удивляюсь. Такие сразу в глаза бросаются.

– Слушаю тебя, – отвечаю и люблюсь с улыбкой.

Чувствую, что она не может решиться и мнетя. Оглядывает многочисленные любопытные лица окружающих и предлагает:

– Отойдем?

Киваю, соглашаясь и уходим в темноту. Оставшись вдвоем, она останавливается и поворачивается ко мне.

– Меня Гуля зовут, – представляется. – Давай встретимся в городе, – решительно предлагает.

– Меня – Сережа. Я не против, – отвечаю, пожав плечами. – Только в ближайший месяц не получится. Уезжаю до конца июля, – поясняю.

Задумалась. Чтобы не посчитала, что я тактично отказываюсь, спрашиваю:

– На танцы ходишь?

Кивает.

– Вот там и встретимся. Если ничего не произойдет, увидев тебя я подойду. Если ты увидишь меня, то ты подходи или покажись мне на глаза, – предлагаю.

– Что может произойти? – удивляется.

– Мало ли. Может ты замуж выйдешь! – уклоняюсь от ответа.

«Что может произойти? Удивительная вера нынешней молодежи в стабильный завтрашний день!» – констатирую отстраненно.

– Это невозможно, – смеется, – скорее тебя уведет какая-нибудь девчонка.

– Вряд ли, – не соглашаюсь.

– Кто такая Таня, про которую ты пел? Твоя девушка? – интересуется, как многие девчонки.

– Это собирательный образ, – отвечаю, – вместо Тани можно петь про Лизу или Гулю, например.

Девчонка снова смеется. Ловлю себя на мысли, что Гуля мне реально нравится.

– Ты почему не спрашиваешь, где я живу или учусь? Ты знаешь? – спрашивает, наклонив голову на бок.

– Не знаю, да и не к чему пока. В будущем, если оно у нас будет, узнаю, – отговариваюсь.

– Странный ты. Мальчишки в первую очередь начинают спрашивать имя, где учусь и где живу, – задумчиво заявляет.

– Лучше ты мне объясни, почему такая яркая девчонка как ты без парня до сих пор? – задаю вопрос, который меня действительно интересует.

– Потому, что такая яркая девчонка слишком разборчива. Все ребята, которые хотели дружить со мной какие-то примитивные, а других пока не встречала, – признается.

– Да, на вкус и цвет помидоры разные, – соглашаюсь.

Пошли к палаткам. Расставаясь Гуля легко поцеловала меня в край губ и шепнула:

– Спасибо!

– За что? – опешил.

– Я знаю, – ответила, засмеявшись и растворяясь в темноте.

Возле нашего костра опять вижу одинокую фигуру Конкина. Увидев меня, Санька поднялся навстречу.

– Поговорим? – спрашивает.

Представляя, о чем будет разговор вздыхаю:

– Давай.

– Пойдем, отойдем, – оглядывает близкие палатки.

Пожимаю плечами и иду за ним в темноту. Сашка останавливается под сосной и поворачивается ко мне.

– Что у тебя с Танькой Беляниной? – спрашивает с напряжением в голосе.

– Ничего, – отвечаю спокойно.

– А вчера вечером, что было? – пытается уличить меня.

– Вчера? – переспрашиваю и делаю вид, что задумываюсь. – Ты знаешь такую игру – «Испорченный телефон»? – интересуюсь.

– При чем здесь игра? – в растерянности он пристально вглядывается в меня.

Вот эта его привычка смотреть, не мигая в упор продолжительное время на собеседника, бесит порой меня и пугает Таньку. Замечаю в его глазах мерцающие огоньки отражающегося костра.

– Ты вчера увидел сам необычное поведение Таньки и сделал свои выводы. Неправильные. Я же в присутствии наших ребят и девчонок похвалил Танькину отличную игру в сценке. Сколько людей передали другому мою оценку, я не знаю, но то, что дошло до нее изменилось до противоположного. Оказалось, что я ее оскорбил. Она не ожидала от меня услышать подобное, обиделась и кинулась разбираться. Сам знаешь, какие языки порой у завистливых людей, – подробно объясняю.

Сашка продолжает молча всматриваться в меня. Наконец пошевелился.

– Она тебе нравится? – спрашивает прямо.

– Нравится, – признаюсь, – но главное то, что ей нравишься ты, – лукавлю.

– Откуда ты знаешь? – удивляется, но чувствую радость в голосе.

– Вижу, – пожимаю плечами, – ты знаешь, что мужчина, это товар, который считает себя покупателем? Выбирают всегда женщины! – повторяю сентенцию второму влюбленному дураку.

Сашка молчит, переваривая сказанное. Разворачиваюсь, не дождавшись продолжения и иду к палаткам.

– Это правда? – слышу в спину.

– Спроси сам ее. Если она не обидится, ответит, – бросаю через плечо.

Шагов за спиной не слышу и забираюсь в палатку.

В субботу возвращаемся к вечеру домой. Утром после завтрака быстро сворачиваем лагерь, убираем территорию и в быстром темпе выдвигаемся к Фабричному поселку. Походная жизнь всем порядком осточертела и все торопились. Замечаю, что Сашка постоянно крутится неподалеку от Таньки, несмотря на то, что она его демонстративно игнорирует.

Мысленно иронично размышляю о взаимоотношениях полов по дороге на вокзал и в поезде:

Так нам и надо! Сначала перед нашим носом повертят и покрутят хвостом, заинтересуют. Убедятся, что клюнули и предоставляют возможность завоевывать, ревновать, переживать. Заметив, что добыча готова сорваться снова приблизят. Может покажут, чего, ранее недоступное и возможно позволят потрогать. Затем снова дадут самцу проявить себя. Доказать, что он «царь горы» и готов весь мир бросить к ногам избранницы, самой лучшей и неповторимой. Тогда «королева» может сойти с трона и позволить увлечь себя в хижину «завоевателя» и даже допустить к вожделенному телу. Дать возможность насладиться своим триумфом, снисходительно посмеиваясь над гордым покорителем женского сердца самой недоступной красавицы. А тот не догадывается, что уже давно был выбран на роль мужа, пока играл в свои детские или подростковые игры и даже не подозревал, что находился в прицеле прищуренных придиричьих и оценивающих глаз. Из века в век ведется такая игра с нами, а мы искренне верим, что сами выбираем и добиваемся чего хотим. Что нам все и все по плечу.

Почему у меня сейчас произошло и происходит по-другому? Раньше, я хоть и пользовался некоторым вниманием девчонок, но такого не было. Сейчас же, не прилагая особых усилий добился близости с первыми красавицами класса. Пользуюсь повышенным вниманием не самых последних девчонок на Слете. В первом моем варианте Слета этих встреч с Ольгой и Гулькой не было. Может есть какая-то химия тела? Девчонки чувствуют подсознательно, что обычных игр со мной не получится и готовы идти дальше, возможно до постели?

Встретившись взглядами еще при сборе лагеря с Ольгой, а потом и с Гулькой кивнул, приветливо улыбнувшись.

«Гулька-то еще лучше, чем показалась мне вчера», – мысленно оцениваю, улыбнувшуюся мне девчонку. «А из Ольги, вероятно, получится эталонная классическая жена, которая сможет до конца жизни тащить семью, лентяя или алкоголика мужа и справляться сама со всеми жизненными трудностями», – почему-то предполагаю.

«Какая мне нужна будет жена?» – задаюсь вопросом. «Хотя рано еще мне думать об этом. Надо пережить хотя бы это лето», – решаю.

Глава 7.

Конец июня.

Дома обрадовал родителей возвращением блудного сына. Узнал, что, наконец-то, они решились и отец прошел обследование. Врачи нашли у него какое-то затемнение. Успокоили тем, что пока не видят проблем, назначили какое-то лечение и дополнительное исследование. Вероятно, ему потребуется поездка в областную больницу.

– Я только «За», – радостно поддерживаю.

«Может отсрочу такую близкую смерть отца?» – думаю.

Завтра встреча с покупателем «блатняка». Павлу звонить сегодня уже поздно, так как музыкант на каком-нибудь вечернем мероприятии. Может записать песни на кассету? Но у меня чистой нет. Сегодня разыскивать импортную кассету уже поздно. Ладно, завтра с утра жду покупателя. «Если не дождусь гостя или посыльных от него, то иду к Павлу и записываем песни с нотами. Родителям оставляю Пашкин телефон для связи», – планирую завтрашний день.

Наутро не дождавшись гостей, оставляю Пашкин телефон маме. Отсчитываю Пашкину долю из московского гонорара (тридцать процентов – шесть тысяч семьсот пятьдесят рублей). Засовываю в сумку магнитола с микрофоном, забираю гитару и иду в Паше.

«Как же с Павлом трудно!» – отмечаю про себя. Уже полчаса уговариваю его принять деньги и поддержки в лице Евгении Сергеевны нет. Сказать, что Павел был удивлен, когда я достал сверток с деньгами и озвучил сумму, было нельзя. Павел был просто шокирован, когда пацан запросто достал из простой сумки деньги в сумме, сопоставимой с ценой новых Жигулей и протянул ему. Еле уговорил его принять хотя бы десять процентов.

«Ничего. Он еще не привык к большим деньгам. Потом, надеюсь будет легче. Да и Евгения Сергеевна подключится. Женщины практичнее относятся к деньгам из воздуха!» – успокаиваю себя. Решив денежный вопрос, приступили к записи блатных песен. Павла предупредил, что ему домой могут позвонить от покупателя и предложил подумать, где тому можно демонстрировать товар. Паша отмахнулся:

– Пусть сюда приходит.

– Паша, это будет представитель воров, – предупреждаю.

– Ну и что? Это же будет музыкант, скорее всего, – легкомысленно удивляется моему недопониманию.

Телефонный звонок прозвучал, когда мы заканчивали записывать песни на Пашину пленку. Пьем чай с печеньем Юбилейным, дожидаясь гостя.

Знакомлюсь и разглядываю парня, вероятно Пашиного ровесника. Одет в модный джинсовый костюм и бежевые мокасины. Длинные волосы, как у многих творческих людей. На пальце печатка, на шее «цепура», скорее всего золотые. Импортные наручные часы. «Упакован», – мысленно отмечаю.

При знакомстве парень, если и удивился моему возрасту, но эмоций не проявил. Назвался Севой и пожал мне руку, как равному. От чая отказался и сообщил о своей миссии:

– Мне рекомендовали прицениться к вашим песням.

«Все-таки не воспринимает меня, как автора текстов и музыки еще», – констатирую про себя.

– Как будешь слушать? С магнитофона или под гитару? – интересуюсь.

Почему-то мне кажется, что ему можно не «выкать».

– По-всякому. Давай с гитары начнем.

Беру гитару и пою «Извозчика», «Ушаночку», «Владимирский централ». Завершаю «Кольщиком». Павел подсовывает гостю нотную тетрадь и чего-то указывает, тыча пальцем. Парень впечатлен и не скрывает своего удивления.

– Дай, я попробую, – в азарте протягивает руку к гитаре.

Передаю инструмент. Он, заглядывая в нотную тетрадь, пробует несколько аккордов. Потом кивнув головой, начинает петь, глядя в текст с нотами и подыгрывая себе на гитаре. Павел, поворачиваясь к синтезатору, аккомпанирует ему.

«Похоже у Павла любимое место – вращающийся круглый стульчик у синтезатора. Большую часть времени, сколько его знаю, сидит на нем», – мелькает неожиданная мысль. «А Сева поет лучше меня», – завистливо отмечаю.

Парень удовлетворен.

– На пленке давайте прослушаем, – просит...

– Еще, что есть у тебя? – поворачивается ко мне, когда закончилось воспроизведение.

– Больше пока ничего нет по этой тематике, – признаюсь. – Времени совсем нет – только что из похода вернулся, – оправдываюсь. – Есть только дворовые, – предлагаю, замечая недовольную гримасу Севы.

– Давай, послушаю, – скептически соглашается.

Пою «Ребята с нашего двора» и «Старые друзья». По мере исполнения скептическое выражение его лица меняется на удивленно-заинтересованное.

– Некоторые слова, имена и названия можно подставить другие, близкие слушателям, – предлагаю по окончании.

Сева кивает, не сводя с меня глаз, потом, чего-то решив, интересуется, кивая на магнитофон:

– На пленке есть запись?

– Нет, пока, – отвечаем вместе с Павлом.

– Давайте запишем, – предлагает.

Пишем две песни дополнительно. По окончании работы парень подходит к синтезатору и спросив разрешения у Павла, начинает наигрывать некоторые мелодии из песен. Начинают с Павлом чего-то обсуждать, спорить, проигрывая некоторые музыкальные отрезки. Потом достают нотные записи и иногда чего-то чиркают в них.

«Нашли сапоги пару», – иронизирую про себя, наблюдая за увлеченными музыкантами. Снова захотелось чая, но не стал мешать творческому процессу двух профессионалов.

Хлопнула входная дверь и на пороге комнаты появилась раскрасневшаяся Евгения Сергеевна.

– Здравствуйте мальчики! Ой, вы заняты? – замечает незнакомца, – я тогда позже зайду. Вы, наверное, голодные? Схожу, пробежусь по магазинам, – выпалила и тряхнув челкой, умчалась.

Павел, было, дернулся вслед, но остановился, услышав хлопок входной двери.

«Тормозит Паша», – мысленно отмечаю. Сева задумчиво посмотрев на нас, спрашивает меня:

– У тебя вроде есть еще песня. Про жизнь.

– «Так хочется жить!» – подсказываю название.

– Возможно, – пожимает плечами и смотрит на меня вопросительно.

– Об этой песне речи не было, – напоминаю. – Я ее уже продал, – информирую.

Видно, что Сева не доволен.

– Спеть можешь? – интересуется.

– Спеть могу, но эта песня, возможно, уже зарегистрирована в ВААПе под другим авторством и передана исполнителю, – предупреждаю его.

– Пой, хоть оценю, – машет кистью.

– Однако, – качает головой, прослушав, – действительно стоящая вещь.

– У кого песня не скажешь? – придя к какому-то решению, спрашивает.

– Коммерческая тайна, – сообщаю, мотая отрицательно головой, – Даже Павел не знает, – добавляю, отводя от друга возможные неприятности.

– Хорошо. Я знаю, какую цену ты просишь за песни. Я могу купить (тянется за нотной тетрадью) «Кольщика», «Владимирский централ» и «Ушаночку» за названную сумму. «Извозчик» – еще сырой и требует доработки. За него дам пятьсот рублей. За дворовые песни – по триста, – предлагает.

– «Извозчика» отдам за так. Сомневаюсь, что это полностью моя песня. Вроде бы, чего-то похожее слышал, – сообщаю. – А дворовые стоят значительно больше.

Сходимся на пятистах рублях за песню. Сева не скрывает своего удовольствия, убирая в дипломат бобину и нотные записи. Выкладывает на стол банковские упаковки двадцатипятирублевых и десятирублевых и отсчитывает пятьсот рублей. Пишет на бумажке свой телефон и просит звонить ему в случае появления новых песен незамедлительно. Намекает, что за достойные песни сможет заплатить больше. Жмем руки и расстаемся почти друзьями.

Оставляю на столе упаковку червонцев. Остальные деньги кидаю в сумку. Павел горестно вздыхает, глядя на одинокую пачку денег на столе. Сил на споры у нас уже не было и жрать хотелось не по-детски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.